

16097

Цена 45 к.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ!

С 1-го МАЯ ОТКРЫТА ЛЬГОТНАЯ ПОДПИСКА
на „НАШУ ГАЗЕТУ“ С ПРИЛОЖЕНИЕМ
ПОПУЛЯРНОГО ИЗДАНИЯ

РОМАН-ГАЗЕТА

„РОМАН-ГАЗЕТА“ выходит 2 раза в месяц. Формат типа
еженедельных журналов.

В каждом выпуске — вполне законченный большой художественный
роман, благодаря чему каждый подписчик может составить себе за очень
недорогую цену БИБЛИОТЕЧКУ произведений русских и иностранных
писателей.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

„НАША ГАЗЕТА“	1 мес.	3 мес.	6 мес.	8 мес.
Без приложений	— 75 к.	2 р. 25 к.	4 р. 50 к.	6 р. — к.

„НАША ГАЗЕТА“	2 мес.	3 мес.	4 мес.	5 мес.
и „РОМАН-ГАЗЕТА“	2 р. 10 к.	3 р. 15 к.	4 р. 20 к.	5 р. 25 к.

„НАША ГАЗЕТА“	2 мес.	3 мес.	4 мес.	5 мес.
„ВОКРУГ СВЕТА“	1 р. 80 к.	2 р. 40 к.	3 р. 20 к.	4 р. —
с „РОМАН-ГАЗЕТОЙ“	2 р. 20 к.	3 р. 30 к.	4 р. 40 к.	5 р. 50 к.

„НАША ГАЗЕТА“	2 мес.	3 мес.	4 мес.	5 мес.
„ЭКРАН“	1 р. 80 к.	2 р. 15 к.	3 р. 30 к.	4 р. 75 к.
с „РОМАН-ГАЗЕТОЙ“	2 р. 50 к.	3 р. 75 к.	5 р. — к.	6 р. 25 к.

„Наша Газета“ „Экран“	2 мес.	3 мес.	4 мес.	5 мес.
„ВОКРУГ СВЕТА“	2 р. 10 к.	3 р. 15 к.	4 р. 20 к.	5 р. 25 к.
с „РОМАН-ГАЗЕТОЙ“	3 р. 70 к.	4 р. 05 к.	5 р. 40 к.	6 р. 75 к.

Подписка с прилож. „РОМАН-ГАЗЕТЫ“ принимается
на срок не менее чем на 2 и не более чем на 5 мес.

В Москве — районными уполномоч. организаторами подписки в кол-
лективах, почтово-телефрафными конторами и письмоносыми.

В провинции — уполномоченными, организаторами подписки в кол-
лективах, во всех отделениях центральных издательств, почтово-телефрафных
отделениях, Контраг. печати и Главной К-ро Изд-ва „НАША ГАЗЕТА“

Москва 19, ул. Герцена, 12-я.

XX/137
28

ВОПРОСЫ СТЕНОГРАФИИ И МАШИНОПИСИ

N • 5

МОСКОВСКАЯ

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Завмашбюро — организатор машинописи	1
А. Юрковский. — У цели	3
Проект унитарной системы Н. Фалеева	6
Каким должен быть конкурс	9
Н. Зюскин. — Вопросы тренировки	13
Д-р Д. В. Рабинович. — Труд машинистки в свете профессиональной гигиены (продолжение)	17
С. Косаткин. — Организующая роль учета	22
А. Хмель. — Учет — союзник охраны труда	23
М. Левинсон. — Машинистки — счетные работники	24
Н. Дмитриевский. — Методика письма на машине в свете современных научных исследований	26
И. Солоневич. — Или увиданье — или физкультура	30
В. Даниель-Бек. — Московское Научно-Стенографическое общество	32
О системе Репина	33
Наши курсы (Ленинград)	35
Н. Гусев. — В торговых учреждениях Германии	36
Зарубежные новости	38
Библиография	40

Вниманию товарищей машинисток (ов)!

Между 15 и 20 июня т.г. в Центральном Летнем Клубе Моск. губотдела совторгслужащих редакцией «В. С. и М.» совместно с Моск. Губотделом н/союза будет организован

Вечер советской машинописи.

Подробности программы и точная дата будут сообщены в «Нашей газете», а также повестками через МК учреждений.

Приглашаются машинистки всех профсоюзов.

РЕДАКЦИЯ.

Завмашбюро — организатор машинописи

Машинопись — это важнейшая область работы учреждения, важнейший ее нерв, от правильного функционирования которого зависит нормальная работа всего организма учреждения.

Какова же роль заведующей машинописным бюро? На этот вопрос должно было ответить созванное редакцией в начале мая совещание завмашбюро.

Имея два лица: одно, повернутое к администрации, другое — к машинистке, — завмашбюро в большинстве случаев еще не нашла своего настоящего места в учреждении, впадая зачастую то в роль «губернантки» или ретивого администратора, то в роль механического передатчика работ машинисткам, не помышляющего ни о какой рационализации. И то, и другое одинаково нетерпимо в условиях советской действительности, где на долю завмашбюро выпадает сложная и ответственная роль организатора машинописи, умеющего добиться максимальной производительности труда машинистки, сочетая это с максимальной охраной этого труда.

Для этого, прежде всего, необходимо установление разумной трудовой дисциплины, неразрывно связанной с правильным режимом дня, с обязательным полчасовым перерывом и несколькими мелкими перерывами для «роздыха».

Затем, центральным моментом в работе завмашбюро является правильное распределение работы, от которого зависит и нагрузка каждой машинистки в отдельности, и производительность труда машиноюро в целом. При распределении завбюро неизбежно сталкивается и с остро стоящим вопросом о характере работы машинисток. «Что предпочтительнее: универсальность машинистки или специализация ее на отдельном виде работы (цифровой, восковых и т. д.)? Эта проблема не могла быть разрешена совещанием, но целый ряд привходящих факторов, как-то: ограниченное количество пишущих машинок, разнообразная конструкция их, частая поломка, заставляющая машинисток переходить с одной машины на другую, неравномерный прибой работы то одного, то другого вида — все это заставляет думать, что временно нужно остановиться на универсальности. В пользу этого говорят и сделанные в результате научного обследования труда машинистки выводы об особых профвредностях, связанных с цифровой работой и работой на восковках. И, наконец, этого же требуют и условия постоянно свертывающихся штатов учреждений, при которых каждая машинистка не застрахована от биржи труда, где от нее неизбежно потребуют скорости, а эту драгоценную для нее скорость она и рискует потерять на специальных работах.

Правильное распределение работы вытекает из правильного учета работы машинистки и в то же время предопределяет выполнение машинисткой полагающейся ей нагрузки. Вопрос об учете и норме, вокруг которого поломано столько копий,стал во всей своей противоречивости и перед совещанием, и, как ни горячи были выступления противников учета, — можно уже сейчас, до окончательной проработки вопроса на страницах журнала и в ЦК н/союза, сказать, что «не так страшен чорт, как его малют». Страшны не нормы

и не учет — а та разноголосица, которая существует сейчас в этой области, то наследие нормы откуда-то сверху, по изъщению досужих «рационализаторов», без всякого участия завмашбюро, принужденных порой пользоваться заведомо негодными методами учета и добиваться выполнения явно ненормальной «нормы».

Завмашбюро должна немедленно взять вопрос об учете и норме в свои руки и уже теперь на основе имеющихся материалов устраниТЬ те дефекты в работе машбюро, которые связаны с отсутствием нормы и учета или с наличием неправильностей в них.

Конечно, ни трудовая дисциплина, ни правильное распределение работы, ни идеальные норма и учет не создадут еще образцового (по производительности труда и сбережению сил работников машиноиси) бюро, если к этому не будет добавлено... соответствующее оборудование бюро.

Вот почему завмашбюро не может оставаться равнодушной при виде тесного и шумного помещения, скверного света, нерациональной мебели и т. п., опираясь на разработанный ЦК ССТС пункт колдоговора «об условиях оборудования машбюро», завбюро должна быть неутомимым толкачом администрации по проведению этих условий в жизнь. Ограничность средств учреждения, режим экономии и т. п. аргументы, которыми некоторые завмашбюро пытаются прикрыть свою недостаточную активность в этом вопросе, должны быть решительно отброшены. Наше государство не так богато, чтобы вхолостую расточать рабочую энергию машинисток, чтобы систематически давать отпуска по болезням и содержать преждевременных инвалидов труда, а к этому только и ведет скверное оборудование машбюро.

На совещании не была обойдена и та большая культурная роль, которую завмашбюро должна сыграть в деле поднятия квалификации машинисток путем организации переобучения их по более совершенствованным методам письма, обучения письму на счетно-пишущих машинах и, наконец, обучения стенографии.

Необходимость обучения части машинисток стенографии тем очевиднее встает перед завмашбюро, чем усиленнее темп работы учреждения, чем чаще поступают требования на диктовку машинистке. Диктовка в условиях централизованного бюро это — дезорганизующий момент, устраниТЬ который можно и должно лишь наличием в бюро стенотиписток.

Вот в основных чертах сложная и многообразная роль заведующей машинописным бюро, вскрытая совещанием. От механического раздатчика работ, от «гувернантки» — к подлинному организатору всей машинописной работы по последнему слову рационализации и охраны труда, — вот путь, который проходит наша завмашбюро.

На этом трудном пути журнал «В. С. и М.» будет ее неизменным руководителем и помощником.

ТЕОРИЯ

А. ЮРКОВСКИЙ

У цели

Итак, работы комиссии по созданию унитарной стенографической системы подходят к концу. На третьем году этой работы мы рассчитываем увидеть долгожданные ее результаты. Поэтому вполне своевременной является подведение некоторой, хотя бы, предварительной черты пройденному пути.

Предпоследний этап работы комиссии — рассмотрение систем, совпавший с концом прошлого академического года, завершился признанием того, что «ни одна из отобранных систем в существующем ее виде не может быть принята в качестве унитарной». Следующим этапом работы явилось рассмотрение поступивших в комиссию проектов. Были опубликованы принципы, которым должна удовлетворять будущая унитарная, установлены сроки представления проектов. За все время, в течение последнего этапа работы, в комиссию поступило 18 проектов. Надо отметить, что комиссия не отказалась в рассмотрении ни одному проекту, с каким бы запозданием против установленного срока он ни был прислан. Некоторые авторы (Дауман, Реймиллер, Зберовский) вторично представили свои проекты, в более проработанном виде, и эти проекты вновь подверглись обычному внимательному рассмотрению.

Теперь представляется возможным привести календарь рассмотрения проектов в комиссии:

1. Германов 15/XI-27 г.
2. Штерн, Рутгарт, Дауман 29/XI-27 »
3. Зберовский 12/XII-27 »
4. Соколов 17/I-28 »
5. Унификационной комиссии ГАБ. (докладчик тов. Берман) 24/I-28 »
6. Кожевников 14/II-28 »
7. Дауман 6/II-28 »

8. Крулев	13/III-28	г.
9. Шумилов	29/III-28	»
10. Гильдебранд	19/IV-28	»
11. Лапекин	24/IV-28	»
12. Фалеев	28/IV-28	»
13. Реймиллер (вторично)	11/V-28	»
14. Фомин	14/V-28	»

Проекты тт. Григорьева, Зберовского (вторичный), Розе (Рига) были переданы непосредственно в тройку; проект тов. Юрковского рассматривался еще в конце прошлого периода работ комиссии, на заседании 16/VI-27 г., и первоначальный проект тов. Реймиллер — того же числа.

Работы комиссии в последний период протекали следующим образом. По каждому проекту был намечен сокладчик, который детально и внимательно знакомился с данным проектом.

Все члены комиссии также предварительно знакомились с проектами по раздаваемым им материалам, среди которых наиболее интересными являлись представляемые по каждому проекту три стенографические написанных отрывка. Тексты этих отрывков, установленные комиссией, литературного, политического и научного содержания (по 110 слов каждый отрывок), написаны тремя формами:

1) Полное письмо (всеобщепись), 2) рабочее письмо (более сокращенное) — корреспондентское и 3) речепись — кратчайшее письмо, — служили прекрасным методом со-поставления начертаний различных систем и проектов.

На заседании комиссии делался основной доклад автором системы, или, если автора не было в Москве, кем-либо из членов комиссии. Некоторые авторы (Дауман, Кожевников) приезжали специально для

доклада в Москву. После основного доклада о данном проекте, последний подвергался критическому разбору со стороны содокладчика. Доклад и содоклад обычно завершались приведением начертаний ряда трудных и «каверзных» слов, которые автор системы по просьбе присутствующих членов комиссии приводил на доске.

После этого открывались прения, обычно очень оживленные и блиставшие порой интересными мыслями, каждый из членов комиссии большей частью является сторонником определенного мировоззрения, своеобразного взгляда на путь к разрешению унитарной и это получало свое отражение в прениях. Так, Н. Н. Соколов подходил к излагавшимся проектам с точки зрения учета при их составлении частоты встречаемости букв в русском языке и при построении своей системы обращался даже к подсчетам знаком типографских касс. Проф. Л. И. Жирков, лингвист, ориенталист, живо интересующийся работами комиссии и принимающий деятельное в ней участие, высказывал не раз идею построения стенографической системы в соответствии с учением филологии о фонемах и распределении знаков в алфавите согласно научно-лингвистической характеристики гласных и согласных. Н. И. Фалеев выступал с интересной идеей грамматического изучения строения слов русского языка с точки зрения стенографической теории (значение префиксов, флексий и др.). Н. А. Фомин отстаивал идею математического метода сопоставления начертаний различных систем. М. М. Лапекин выступал с мыслью о детальном, углубленном изучении всего опыта русской стенографии и построения на его базе коллективным путем будущей унитарной.

К слову сказать, попытка создания коллективного проекта имела место в работе так называемой «инициативной группы», куда вошли представители большинства систем, исключая представителей системы Габельсбергера. Это случилось в конце предпоследнего этапа работы комиссии (май-июнь 1927 г.), но успеха эта попытка не имела, так как большинство «инициативной группы» не согласилось с неизбежным в случае коллективной работы принятием в основу одной какой-либо системы (таковой намечалась в работе «инициативной группы» система Соколова).

После прений докладчик и содокладчик получают заключительные слова, в которых отвечают на возражения оппонентов и кри-

тику, выдвинутую в прениях. Затем комиссия избирала тройку для вынесения резолюции по доложенному проекту, при чем всегда в деле составления резолюции принимал участие автор проекта, если он был в Москве. Резолюции по специально разработанной схеме из 22 пунктов, ответы на которые помогали всесторонне осветить данную систему.

Нельзя не отметить того факта, что работа комиссии в последний период протекала в гораздо более спокойной, лишенной излишней страсти обстановке, чем это было в первый период. Тон заседаний установился деловитый, рабочий, что не мало способствовало успешному и быстрому течению работы.

Почти все проекты (16 из 18) представляют собой графические системы и только один проект — тов. Фомина — геометрическую или точнее, словами автора, «эллиптическую» систему. Это торжество графического принципа в системах стенографии, претендующих на унитарную, находится в полном согласии с всем развитием русской стенографии, проходящим под знаком графического, а не геометрического принципа. Система Габельсбергера была представлена 3 проектами — (Крулева, Берман-Даниель-Бека, Юрковского), система Терне — двумя (Гильдебранд, Реймиллер). Остальные — представляют или переработки испытанных на практике систем или созданные в соответствии с принципами унитарной новые, еще не проверенные проекты. Интересно отметить, что даже старые испытанные системы являлись на судилище унитарной комиссии не в прежнем своем облике, а старались усовершенствовать свою теорию, внести в нее свежую струю. Так, например, в предпоследнем периоде работы прошедшие перед нами системы Терне, Гильдебранда, Габельсбергера-Крулева и Соколова, отобранные летом прошлого года (впредь до выработки унитарной), учитывая требования унитарной общеписи, представили на этот раз в несколько измененном виде. Если тов. Крулев немногим поступил из своей переработки, то Гильдебранд ввел специальный раздел всеобщеписи с новым «штлевым» обозначением гласных. Еще дальше пошел тов. Соколов, отказавшийся от некоторых основ своей системы — от исключительного использования волостной линии — и принял волосно-нажимную вокализацию.

Таким образом, работа над созданием унитарной системы, над выполнением со-

И МАШИНОПИСИ

циального заказа, поставленным советской стенографией, оказалась побудительным толчком для усиления деятельности научно-стенографической мысли в СССР. Отрадно отметить, что работа комиссии получила живой отклик далеко за пределами того города, в котором протекала ее работа. 5 проектов принадлежат авторам с мест, а два присланы даже из-за границы.

В числе проектов налицо, как системы, олицетворяющие чистой воды речепись (Крулев, Лапекин, Фалеев, Германов), так и проекты, представляющие одну всеобщепись (Дауман, Юрковский и др.). Имеются проекты, стремящиеся объединить в своей теории и речепись и всеобщепись (Соколов, Реймиллер, Шумилов и др.).

Представители первой группы в течение всей работы унитарной комиссии упорно проводили тот взгляд, что лучше иметь в системе плохое, т. е. сложное начало, чем плохой конец, т. е. неразработанную речепись (Лапекин), утверждая, что такое построение системы не отражается на отсеве слушателей. Авторы другой группы, считая, что речепись можно построить из любой общеписи, главное ударение ставили на простоту, общедоступность теории унитарной.

Руководители унитарной комиссии не раз принуждены были напомнить о первом из утвержденных комиссией принципов, гласящим, что «унитарная система стенографии должна быть удобной для массового применения в с о б щ е п и с и, которая путем введения соответствующих сократи-

тельных приемов должна быть пригодна и для цели речеписи».

Выяснилось в процессе работы, что проекта, получившего единодушное признание со стороны комиссии мы иметь не будем. Поскольку это так, придется при предстоящем утверждении плenumом комиссии резолюций, вынесенных тройками по системам, рассмотреть, какие из них ближе всего подходят к установленным принципам.

Возможно придется отобрать 2-3 наиболее отвечающих принципам проекта и попытаться создать на их основе нечто объединенное или же положить один из них в основу и внести наиболее ценное из других. Раздающиеся со стороны некоторых голоса о необходимости подвергнуть в течение определенного времени проверке отобранные проекты потому не имеют под собой основания, что у нас нет надежных методов такой проверки, на результаты которой всегда может оказаться влияние какая-либо случайность.

Лучшим венцом работы комиссии был бы обработанный коллективными усилиями всех членов комиссии какой-нибудь один проект, при составлении которого было бы внесено наиболее ценное из заслуживающих внимания проектов. Отречившись от авторских самолюбий и болезненной традиционной приверженности своей системе, представители разных систем в комиссии блестательно завершили бы порученную им советской властью и стенографической общественностью работу, дав проект «унитарной системы».

К сведению подписчиков „Нашей Газеты“

С Июня месяца «Наша Газета» **еженедельно** будет выпускать **специальные вкладные листы** (2 страницы), посвященные нуждам и запросам отдельных групп и союза (милиции, гос. и торг. служащим, низов. советскому аппарату и др.), вопросам рационализации и улучшения Госаппарата.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА И РОЗНИЧНАЯ ЦЕНА ОСТАЮТСЯ БЕЗ ИЗМЕНЕНИЙ.

15. Сокращения.

В речеписи разрешается, в интересах краткости, отбрасывать гласные, но с условием обязательного сохранения их:

в односложных словах,
в приставках,
в дифтонгах и трифтонгах (двойных и тройных гласных),
— все это при обязательном условии читаемости и неискажаемости знака.

16. Методическая часть.

Система вышла из школы М. Лапекина. Преподавалась с 1923 г. на ВГКС.

Из 202 учащихся сдало на 110 слов 57 человек. Из них достигло этой скорости за 8 месяцев (2 семестра) — 5 человек, за 12 мес. — 6, за 16 мес. — 18 чел., за 20 месяцев — 3 чел., за 24 мес. — 22 чел. Большинство остальных достигло 90 сл.

17. Общие замечания.

Применение указанных приемов дает совершенно точное, полное письмо, легко читаемое и настолько краткое, что самый процесс стенографирования становится медлительным, ритмичным и не дает деформации.

Handwritten sample of cursive shorthand, showing several lines of cursive text.

Отрывок, написанный букально, со знаками препинания:
В период своего примирения с дей-
ствительностью Белинский, как известно,
не любил сатиры, но под конец сво-
ей жизни он относился к ней совсем иначе. Тогда он с удовольствием и....

ОТ РЕДАКЦИИ:

Редакция печатает представленную в качестве проекта унитарной систему тов. Фалеева по просьбе «Унитарной» комиссии, выдвинувшей следующие мотивы для ее напечатания вне всякой зависимости от выбора будущей унитарной системы:

Система Н. Фалеева преподается с 1923 года на Высш. Гос. курсах стенографии (Москва) с хорошими результатами. И, несмотря на это, совершенно неизвестна даже узкому кругу специалистов, в то время как большинство преподаваемых в СССР систем знакомо массе стенографов или по печатающимся с 1923 года в журнале «Страницам систем» или по изданным учебникам.

Между тем, система Н. Фалеева, как одна из оригинальных русских систем революционного периода (вышла из системы М. Лапекина, опубликованной в № 4/6 «Вопросы стенографии» за 1924 год), представляет несомненный интерес.

ПРАКТИКА**Каким должен быть конкурс**

Вопрос о конкурсе естественно привлек живейшее внимание стенографов. Редакция получила еще несколько заявок от комитетов стенографов и целый ряд статей. Не имея возможности напечатать целиком все присланные в редакцию статьи на эту тему, мы попытаемся дать сводку мнений стенографов с мест по различным моментам конкурса.

1. Каковы цели конкурса.

Вот что говорит по этому поводу тов. Алфеева (Ново-Сибирск):

Конечно, никак нельзя ставить целью конкурса выявление лучшей системы, потому что если бы мы имели лучшую, у нас не было бы необходимости разрабатывать унитарную. Очевидно, мы имеем системы, более или менее приближающиеся к лучшим, а потому возможно такое положение, что лучший стенограф окажется пишущим отнюдь не по лучшей системе. Целью конкурса должно быть выявление лучшего стенографа с точки зрения быстроты и точности. Думается, что нельзя назвать стенографа лучшим только за скорость, но надо попутно с этим выявить и умение стенографа обращаться с материалом, показать то умение редактировать, вокруг которого поломано столько копий на страницах журнала в смысле допустимости редактирования и степени его.

Несколько иначе к целям конкурса подходит тов. Зайкова (Свердловск):

На нашем конкурсе будут конкурировать не только люди, владеющие «крылатым пером», но и системы. Какая из них выйдет победительницей — еще не известно, но это должно сыграть большую роль, если не для нас, стенографов-практиков, то, во всяком случае, для будущего стенографического поколения.

Вторым моментом конкурса должно явиться выявление рекордной скорости, возможной для нашего языка. Судя по заграничной прессе, мы знаем, что система Грега несколько раз одержала победу над системой Питмана, мы знаем, что рекордная скорость по этим системам доходит до 250—260 слов в минуту и т. д. Но мы не знаем нашей рекордной скорости, — это покажет конкурс.

Некоторую поддержку своего взгляда находит тов. Зайкова у Я. Ефанова (Ростов/Дон):

Значение конкурса должно быть велико. Он всколыхнет стенографическую массу, вызовет соревнование, пробудит общий инте-

рес к стенографии и выявит как общие достижения стенографии в СССР, так и даст рекордные данные о скорости отдельных стенографов. Самая сводка сведений о лучших стенографах даст интересный материал о системах, курсах и педагогах, чьи последователи и ученики будут удостоены премий.

Еще больше расширяет цели конкурса тов. Кожевников (Ярославль):

Цель конкурса, как мы ее понимаем, — оживить, встяхнуть склонное к застою тихое стенографическое семейство, особенно провинции, а это возможно лишь тогда, когда будут участвовать в конкурсе по возможности все наличные в стране стенографы, а не случайное их меньшинство.

Вот почему мы находим необходимым расширить объем конкурса и провести его одновременно на следующие скорости: 80, 90, 100, 110, 120, 130, 140 слов в минуту. Это даст возможность каждому стенографу, почувствовавшему себя твердым на той или иной скоростной ступени, принять участие в конкурсе на эту скорость, имея в виду, что со временем он будет прогрессировать, участвуя в последующих подобного рода конкурсах. Потому что, мы думаем, что этого рода конкурсы должны регулярно, через определенные промежутки времени, повторяться. Только при повторяемости их будет достигнута действительная польза в деле развития стенографии.

Второй важной задачей, требующей расширения рамок конкурса, является пропаганда стенографии, — продвижение через конкурс стенографического труда в советский канцелярский аппарат. Для этого необходимо, через отделы нашего союза, сделать конкурс публичным, с приглашением на него как рядовых членов союзов, так и хозяйственников, и представителей разных родов заинтересованных компетентных учреждений и организаций. Началу конкурса нужно предпослать краткую вступительную лекцию о целях конкурса и о значении и применении стенографии.

Было бы крайне желательно здесь же показать и процесс работы стенографа с корреспондентской скоростью: машинистки, делопроизводителя, секретаря, инструктора, инспектора, рабкора, учащегося, — разумеется, забываясь, в первую очередь, не о театральности, а исключительно о правильном показе — с деловой стороны — преимущества пользования в трудовых процессах этих работников стенографическим письмом. Но это мероприятие весьма сложно и требует к себе особого внимания и исключительной осторожности, чтобы не впасть в карикатурность.

Тов. **Хилков** (Казань) полагает, что, помимо привлечения внимания общественности и выявления рекордистов, результатами конкурса могут явиться: а) повышение требований при испытании на звание стенографа II—III—IV категории; б) некоторые выводы для комиссии по унитарной.

Как мы видим, к целям конкурса стенографы подходят по разному. Зато единодушно всеми отвергается предложение Редколлегии «В. С. и М.» включить в число качеств лучшего стенографа уменье писать на машинке.

Вот что пишет по этому поводу тов. **Сичиков** (Кiev):

Не отрицаю того, что вопрос о дополнительных квалификациях стенографа вообще и квалификации в области машинописи, в частности, в связи с работой по внедрению стенографии в советский аппарат, имеет большое значение — я не могу, однако, согласиться с тем, что конкурс, который мы собираемся проводить, обязательно должен быть конкурсом на лучшего стенографа-машиниста, на основании следующих соображений: а) стенографов с высокой квалификацией (110—140 слов), знающих машинопись, чрезвычайно мало; б) умение писать на машинке не является органической составной частью квалификации съездового стенографа, в) проведение испытания по машинописи связано с определенными неудобствами (нужны машинки), и наконец, г) такое раздвоение конкурса создает целый ряд неудобств при определении лучшей работы.

По мнению тов. Сичикова, провести одновременно 2 конкурса нельзя и он предлагает, поэтому, прежде всего провести конкурс на лучшего стенографа. Другие же считают возможным проведение 2-х отдельных конкурсов: на лучшего стенографа и на лучшую стенографистку-машинистку (тт. Хилков — Казань, Кожевников, Евфанов). Тов. **Евфанов** вносит определенное предложение:

Сначала устроить стенографический конкурс в каждом городе, а затем, в целях выделения лучшей стенографистки-машинистки, устроить всем желающим, удовлетворившим требованиям конкурса, хотя бы на низшую скорость (110 слов) — конкурс на машине. Из числа трех лучших стенографов города один должен быть выделен, как стенограф-машинист.

В связи с вышеупомянутыми мнениями центральному жюри предстоит еще раз серьезно пересмотреть цели и задачи конкурса и требования, предъявляемые к участникам конкурса.

2. Какие тексты нужны?

Вопрос о материале для текстов привлек, как и следовало ожидать, большое внимание. Тов. **Соловьев** (Ленинград), посвятив специальную статью составлению текстов различной трудности на политические и литературные темы, делает следующие выводы:

Главную роль при производстве конкурса, несомненно, будет играть текст. Скорость записи, прежде всего, зависит от текста, от его содержания, от формы построения фраз, от длины слов.

При выборе текста должны приниматься во внимание не исключительные условия, а условия повседневной жизни. Литературная тема не характерна для конкурса. Как правило, стенографы не пишут на литературные темы. Им больше приходится оперировать вопросами общественно-политическими и хозяйствственно-экономическими. И мне кажется, что первый конкурс должен ставить своей задачей выявление умения стенографа отвечать запросам текущей жизни.

К таким же выводам относительно необходимости литературного текста приходят тт. **Сичиков** и **Евфанов**.

Интересное предложение вносит тов. **Алфеева** (оно выдвигается и московскими стенографами):

Полезно было бы среди предлагаемых для записи отрывков дать и отрывки не гладкого текста с тем, чтобы оценку работы над этим отрывком производить вне зависимости от скорости записи и быстроты расшифровки, но главным образом с точки зрения умения обработать такого текста. Ведь ставим же мы себе такую задачу при определении съездовой квалификации — тем более это полезно при присуждении звания лучшего стенографа того или иного города или ССР в целом.

3. Как проводить конкурс на местах?

Тов. **Зайкова** правильно отмечает:

Одно из доминирующих мест в конкурсе займет вопрос о равенстве условий для конкурирующих по городам. Условия будут различные, это нужно предвидеть, а потому Комитеты стенографов должны сейчас же подумать о соответствующем помещении, удовлетворяющем всем требованиям (изолированность, достаточное освещение, абсолютная слышимость), найти диктовальщика, подготовить его, а не использовать для этой цели первого попавшегося человека. Много значит — как подать текст.

По этому же поводу пишет и тов. **Евфанов**:

Центр тяжести в первой стадии конкурса должен быть перенесен на места, и должны быть приняты все меры к обеспечению конкурса: достаточным числом участников,

И МАШИНОПИСИ

предоставлением соответствующего помещения, содействием соответствующих организаций, а также — выделением трех премий для лучших стенографов каждого города. Премирование необходимо, чтобы был стимул у каждого стенографа к участию в конкурсе. Конкретно, премирование может выразиться в предоставлении союзом места в доме отдыха, посылке на работу вне очереди, а также в виде денежной премии.

Вопрос о премиях тов. **Хилков** дополняет следующим оригинальным предложением:

Стенографам с квалификацией 75—90 слов, принявшим участие в конкурсе на 110 слов, в случае удовлетворительности работ, в качестве премии выдается удостоверение о получении квалификации 110-словников.

Нам кажется, что вопрос о премиях лучшим стенографам городов неизбежно будет индивидуализироваться, в зависимости от возможностей отделов союза, комитетов и курсов и степени их внимательного отношения к конкурсу. Поэтому желательно, чтобы этот вопрос был поставлен теперь же перед местными организациями.

Ни в ком не вызывает сомнений упущенность в предварительных условиях конкурса необходимости представления работ в запечатанных конвертах под девизом.

4. Как оценивать работы?

Почти все сходятся на том, что работы нужно оценивать отдельно по каждой скорости. Бесспорным представляется и то, что каждый участник может писать при желании в группах на разные скорости, но проведение этого принципа мыслится представителями мест по разному.

Съездовых стенографов, у которых скорость в 110 слов уже предполагается, допускать к конкурсу на скорость, примерно, от 120 слов. Это имеет значение для стенографического молодняка, который очень интересуется конкурсом, но, конечно, не всегда может вступить в соревнование со стажированными стенографами. (**Евфанов**).

На любую скорость допускаются все желающие, при чем изъявивший желание конкурировать на большую скорость теряет право на звание «лучшего», если он принимал участие в конкурсе на предыдущую скорость, т. е. конкурирующий на скорость 130 слов исключается из списка принимавших участие в конкурсе на 120 слов и его работа, если и оказалась лучшей на 120 слов, в центральное жюри не посыпается.

Отбирается на каждую скорость одна работа, получившая наибольшую оценку местного жюри. (**Хилков**).

Конкурс проводится одновременно на все скорости, по каким образуются группы в данной местности и таким образом, что эти групп-

ы поочередно, начиная с высших скоростей и кончая низшими, устраиваются в аудитории и по написанию текстов удаляются в особое отведенное для расшифровки комнату, под контролем членов комиссии. При этом не исключается возможность, что испытывавшийся на одну из высших скоростей, почувствовав себя недостаточно успевшим в написании назначенных на эту скорость текстов, — имеет право, с разрешения комиссии, принять участие в следующей, низшей скоростной группе. (**Кожевников**).

Учет ошибок авторы статей предлагают делать в соответствии с действующей инструкцией Испытательным комиссиям, утвержденной Главпрофобром РСФСР, но по вопросу о подсчете количества слов текста мнения расходятся: одни предлагают счет по словам (напр., тов. **Евфанов**), другие — по буквам, установив среднее количество букв для слова (тов. **Зайкова**), третьи — по слогам (тов. т. **Сичиков**, **Хилков**). Последний выдвигает предложение считать 4 слова за слово.

5. Кто оценивает: места или центр?

Большие расхождения наблюдаются по вопросу о том, где оценивать работы для установления лучших стенографов городов.

Тов. **Алфеева** полагает, что нужно передать оценку работ по отдельным городам в центр, исключив таким образом возможность неодинакового подхода к оценке и разноголосицы на местах, а также могущих иметь место недоразумений на почве недостаточно объективного отношения к той или иной работе, возложив на местные комиссии лишь обязанность проследить за правильной постановкой самих диктовок, хотя это ее предложение никак не увязано со следующими ее мыслями:

Крайне затруднительно определить принцип отбора лучшей работы на местах, потому что нельзя подходить чисто механически к подсчету ошибок: тут придется учитывать и условия проведения конкурса, и обстановку, поскольку везде не создаешь одинаковых условий, и, наконец, придется учесть и то обстоятельство, что далеко не всегда мы сможем осуществить самое элементарное, но в то же время самое необходимое условие при проведении конкурса — наличие диктовальщика, действительно умеющего дать должную скорость в определенный промежуток времени, а стенографы практики достаточно хорошо знают, что в зависимости от «манеры» диктовки, если можно так выразиться, можно при одной и той же скорости по одному и тому же тексту дать разного качества работу. При оценке результатов конкурса местные комиссии должны все-таки сделать какую-то разницу между подходом к какому-нибудь

захудалому городку, где имеется, может быть, один-два стенографа «уездной» же квалификации, и подходом к стенографам наших центров. Может быть эта разница должна скаться на выборе текста, может быть на количестве допускаемых ошибок, — но во всяком случае как-то придется считаться с этим обстоятельством.

Большинство товарищей придерживается противоположной точки зрения:

Оценку работ на местах по выявлению лучшего стенографа города, как и предусматривает проект конкурса, необходимо передать в руки местных комиссий, местам легче учесть обстановку, условия конкурса, а также и избежать «случайностей». (Зайкова).

Доверить местам отбор лучших работ можно. Надо полагать, что центральное жюри разработает достаточно подробную инструкцию проведения конкурса и оценки работ. Места, получив руководящий материал месяца за 2 до конкурса, будут иметь возможность запросить разъяснения по неясным и спорным пунктам, так что никакого разнобоя в оценке работ не будет. (Хильков).

Передавать центральному жюри функции отбора лучших стенографов по городам нельзя, так как это приведет к колоссальной загрузке жюри.

В случае наличия нескольких мнений по одному какому-нибудь вопросу при проверке работ местной комиссии, эта последняя должна передавать спорный вопрос на разрешение центрального жюри. (Сичиков).

Местные комиссии отбирают все удовлетворительные, хорошие и лучшие работы по каждой скоростной группе отдельно и, присудив им соответствующие по установленному принципу оценки баллы, направляют все эти работы в центральное жюри. Последнее оценивает работы уже сравнительно с работами, представленными из других местностей, при чем окончательно выявляет степень действительных успехов, оказанных участниками конкурса каждой отдельной местности, поправляя результаты оценки местных комиссий, и отбирает лучшие работы по СССР. (Ножевников).

Нет никаких оснований не доверять городскому жюри в оценке работ и выделении лучших стенографов. Отсутствие подписей на работах и участие в жюри представителя от участников в конкурсе вполне гарантирует от «субъективности» оценок работ.

Если результаты конкурса будут определены на месте и вскоре после конкурса, то это больше заинтересует стенографов, чем долгое ожидание результатов из центра. Да и центр будет разгружен от рассмотрения сотен работ. (Евфанов).

6. Личное конкурирование или сличение работ?

Нечего и говорить о том, что большинство стоит за выявление лучших стенографов СССР путем личного конкурирования.

Неужели отделы союзов не пойдут на встречу участникам конкурса и не ассигниуют известную сумму на поездку для личного конкурирования в Москву? Учитывая всю важность и значение стенографического конкурса, этот вопрос нужно поставить перед ЦК и/союза,

так решительно ставит вопрос тов. Зайкова, но другие товарищи (Алфеева, Хильков, Евфанов) не так оптимистически смотрят на эту возможность.

Тов. Евфанов пишет в связи с этим:

Вероятно, придется ограничиться сличением оценок лучших работ, полученных из отдельных городов, и в случае сомнения, может быть, придется вызвать несколько человек. Это лишний раз подчеркивает большое значение городских конкурсов. Лучше часть тех средств, которые пришлось бы израсходовать на вызов лучших стенографов из отдельных городов в Москву, употребить на лучшее проведение конкурсов на местах, чем подвергать конкурс срыву в случае неудачной организации конкурсов на местах.

Как мы видим, развернувшаяся дискуссия вносит много ценных корректировок в предложенные Редколлегией предварительные условия конкурса.

Перенесение конкурса на осень (на чем единогласно настаивают все упомянутые авторы статей) даст возможность тщательно обсудить все предположения и опубликовать окончательные условия конкурса не позднее июля месяца.

Будем надеяться, что столь дружно начатая дискуссия о конкурсе закончится не менее дружным участием стенографов в самом конкурсе.

МЕТОДИКА

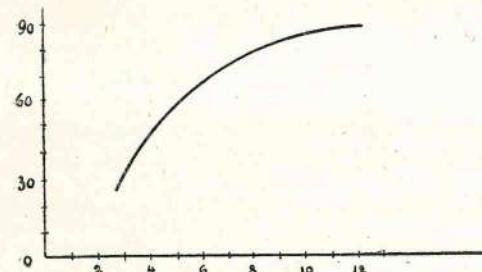
Н. ЗЮСКИН.

Вопросы тренировки

Педагога-стенографа может интересовать громадное количество вопросов, которые еще только наукой начинают разрабатываться: например, о времени упражнений, о перерывах между отдельными сеансами упражнений, о внешних условиях, о сложных или элементарных упражнениях и т. д. Данные эти чрезвычайно важны для преподавателя, ибо лишь основываясь на них можно вынести суждение о рациональности тех или других способов приобретения навыков, т. е. развития скорости.

Нарастание скорости.

Прежде всего нас должен интересовать вопрос о том, каким образом растет развитие скорости. Из опыта многие педагоги-стенографы имели возможность убедиться, что нарастание усовершенствования в стенографическом письме может быть выражено нижеследующей кривой:

Т. е., иначе говоря, в начале тренировки скорость довольно быстро повышается, переходя под конец обучения в довольно медленный процесс по мере приближения к пределу, которого может достичь данный упражняющийся индивидуум. Цифровые данные здесь привести трудно, но можно говорить о том, что начинающееся от 30 слов развитие скорости идет довольно быстро до 55—60 слов; после этого развитие скорости замедляется и после 75—80 слов подвигается иногда чрезвычайно медленно.

Данные эти вполне подтверждаются соответствующими экспериментами: Лешли, на-

пример, производил экспериментальное обучение в стрельбе из лука. В начале экспериментальных упражнений процент попадания был ничтожный. Приобретение навыков (искусности) выражалось в уменьшении расстояния точки попадания стрелы от центра цели. При этом был установлен факт, что искусность повышается неравномерно. Он заметил, что иногда получались рецидивы, т. е., иначе говоря, точность попадания уменьшалась. При увеличении практики кривая перешла бы в конце-концов в прямую линию, по мере приближения к пределу, которого может достичь данный индивидуум.

Такие же рецидивы заметны и при тренировке стенографов. Установлено, что вследствие неизвестных причин, в особенности в конце курса, у некоторых учащихся или у всей группы сразу скорость несколько понижается с тем, чтобы затем сделать некоторый скачок, иногда довольно заметный, вверх. Соответственно этому и приведенную кривую, выражющую собой развитие скорости стенографа, следовало бы несколько изменить: развитие скорости не идет столь равномерно.

Бурдон проследил течение упражнений в целом ряде деятельности, при чем добывшие им результаты сводятся к следующим положениям: 1) упражнение нарастает в течение всего хода экспериментов, 2) это нарастание в начале идет очень быстро, затем медленно, 3) влияние приобретенных навыков сохраняется даже после семилетнего перерыва.

Механизация письма.

Рудик (Инст. физ. культ. Наркомздрава), интересовавшийся качественной стороной процесса упражнения, пришел к выводу, что работа сознания при упражнении приобретает автоматический характер.

Механизация письма — очень интересный для нас момент. Здесь мы сталкиваемся с вопросом о том, сколько отдельных навыков могут быть выполнены одновременно. Одним

из наиболее распространенных примеров может быть приведен пример вялой женщины, которая в одно и то же время вяжет и говорит. Если взять более сложные навыки, то окажется, например, что можно одновременно телеграфировать и говорить, играть на рояле и говорить, писать на машине и разговаривать.

Вопрос об автоматическом письме теоретически такого же порядка как и вязание и разговор, хотя, конечно, здесь дело обстоит во много раз сложнее. Этот процесс изучался экспериментально Доуни и Эндерсоном. После продолжительных упражнений они достигли умения писать предварительно заученные стихи и в то же время разговаривать, при чем через два года способность к одновременному выполнению этих навыков была проверена. Оказалось, что она уменьшилась в очень незначительной мере и быстро восстановилась.

Механизация письма является для стенографа чрезвычайно важной, ибо, если во время стенографирования содержание доклада или речи будет осмыслено стенографом, и если стенограмма подвергнется даже самой незначительной переработке, расшифровка стенограммы во много раз облегчится. Метод гамм Эстула¹⁾ является чрезвычайно благотворным в этом отношении. Помимо диктования знакомого текста, одним из средств для достижения этой способности следовало бы признать упражнения в конспектировании. Как известно, начинающие изучать стенографию и пришедшие к некоторой скорости, конспектируют с большими затруднениями, ибо у них центр тяжести во время письма переносится на технику письма. По мере усвоения этих навыков к учащимся следовало бы предъявить требования более полного составления конспектов.

Тренировку в этом отношении следует вести главным образом в конце курса, подбирая таким образом диктанты, чтобы сложность их все время увеличивалась. Кроме того, возможен еще и следующий путь — беседы с учащимися по поводу содержания диктантов, которые также могут содействовать уровню общего развития учащихся.

В то же время это будет являться стимулом для того, чтобы следить за содержанием записываемого. Могут быть также и такие методы: можно применять диктанты с заведомыми стилистическими и синтаксическими шероховатостями, заставляя учащихся во

время стенографирования их устранять. Учение этого рода чрезвычайно важно, ибо, с одной стороны, уменьшается труд стенографов при расшифровке в виде работы, производимой во время редактирования, и с другой стороны, облегчается и ускоряется расшифровка — гораздо легче расшифровывать связную стенограмму.

Перерывы в практике.

Одним из следующих вопросов, который нас должен интересовать и которого мы уже отчасти касались, это вопрос о перерывах в практике и о их влиянии на процесс тренировки. Относительно стенографов — профессионалов замечено, что после перерывов в практике, даже весьма продолжительных, способность к стенографированию очень быстро приобретается вновь.

Замечено было и в других областях, что если практикующийся прерывает практику и затем ее возобновляет, то оказывается, что этот перерыв оказывает на него благотворное влияние, даже в том случае, если первые его результаты после возобновления практики не будут особенно высоки. Кливленд изучал, например, игру в шахматы. Он показал, что когда человек приступает после перерыва к дальнейшим упражнениям этого рода, он является как бы преображененным, совершившим другим человеком, с более высоким эмоциональным уровнем и т. д. Педагог-стенограф в своей практике также может не редко наблюдать такие явления, когда те или другие лица, изучающие стенографию, которые никак не могли приблизиться к данному пределу, скажем 90 слов, достигали его в два или три приема, после нескольких перерывов в тренировке. К сожалению, причин этих перерывов выяснить в отдельных случаях оказалось невозможным. Однако, в некоторых случаях можно с уверенностью утверждать, что те лица, которые прервали практику, по своим успехам стояли гораздо ниже, чем их сороварищи по группе.

Это подтверждается также и соответствующими экспериментами. Бук, например, обучал подвергавшихся эксперименту письма на пишущей машине. Обучающиеся достигли довольно большой скорости, потом следовал перерыв, затем учащиеся снова подвергались испытанию, после которого следовал вторичный перерыв и вторичное испытание на скорость. Соответствующие цифровые данные, характеризующие все эти процессы, можно видеть из следующей таблицы.

¹⁾ См. «В. С.» № 2 за 1927 г.

Тесты	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	Средняя
Последняя регулярная практика. Январь 7—16, 1906	1503	1509	1404	1574	1494	1436	1501	1455	1508	1698	1508
1 тест на память. Июнь 1—10, 1906	1365	1421	1421	1433	1529	1443	1523	1504	1313	1472	1443
2 тест на память. Июнь 1—10, 1907	1390	1344	1345	1537	1681	1694	1634	1845	1761	1850	1611

Каждая цифра таблицы показывает количество ударов в течение десяти минут. При сравнении средних данных оказывается, что после перерыва вместо потери скорости можно было наблюдать даже некоторый прогресс: с 1.508 ударов скорость достигла цифры 1.611 ударов. На основании этого Бук пришел к тому выводу, что в период отсутствия практики навыки не теряются, наоборот, во время перерывов практики должны происходить некоторые процессы в смысле установки координаций, необходимых для дальнейшего успешного функционирования данного навыка. Правда, следует отметить, что Бук не приводит кривой, по которой шли успехи испытуемых в обучении на пишущей машине. Возможно, он прерывает обучение как раз на самой выпуклой части кривой.

Другие исследователи, например, Реджал и Свифт в общем подтверждают это. Первый исследовал приобретение навыков в быстром письме. После 30 часов практики он мог писать 25 слов в минуту, при чем делал четыре ошибки на сотню написанных слов. После достижения этой скорости он сделал перерыв в три с половиной года. Для того, чтобы достигнуть прежней скорости, ему после перерыва потребовалось только пять часов упражнений.

Распределение занятий.

Кардинальным вопросом тренировки является вопрос о распределении тренировки во времени. Здесь мы сталкиваемся с довольно интересным и даже, пожалуй, парадоксальным фактом, а именно, фактом уменьшения пользы от упражнений. Он исследовал следующие распределения: три

Пайл изучал письмо на пишущей машине. Своих испытуемых, подвергавшихся обучению, он разбил на две группы: первая группа работала 5 часов в день таким образом, что после получаса работы следовало полчаса отдыха, другая группа работала по одному часу в день, при чем этот час распределялся следующим образом: полчаса в 8 часов утра и полчаса в 2—3 часа пополудни. Обе эти группы работали одинаковое количество времени, сорок пять часов каждая, с тою только разницей, что в первой группе практика длилась 9 дней, вторая же группа работала 45 дней. В результате этих опытов оказалось, что работа со второй группой, т. е. медленной, шла лучше с самого начала. На десятый раз практики ускоренная группа писала 287 слов в полчаса, медленная же 370. На сороковой сеанс практики — первая писала 351 слово, медленная группа 557 слов. Начиная со сорокового сеанса практики разница между этими двумя группами оказалась более или менее постоянной. Правда, следует отметить тот факт, что медленная группа давала большее количество ошибок, чем ускоренная. Дирборн изучал письмо в классном эксперименте, при чем пришел к тем выводам, что 10-минутная практика один раз в день дает гораздо лучшие результаты, чем 10-минутная практика два раза в день.

Старч исследовал следующий вопрос: предположим, что для упражнений с целью достижения определенного навыка, мы имеем в нашем распоряжении 120 минут; каким образом и на какие периоды мы должны разбить все это время для того, чтобы эти упражнения явились наиболее продуктивными. Он исследовал следующие распределения: три

сорокаминутных, шесть двадцатиминутных и двенадцать десятиминутных. Десятиминутные периоды оказались самыми продуктивными, самые худшие результаты дали самые долгие сеансы практики.

Пайл производил следующий опыт: взамен букв обыкновенного алфавита он заставлял испытуемых заучивать другие буквы и затем тренировал их в письме по этому новому алфавиту. Практика продолжалась в течение одного дня, при чем распределялась следующим образом: 14 полчасов работы чередовались с 14-ю получасами отдыха. При этих экспериментах оказалось, что после трех-четырех периодов увеличение навыков оказывалось очень незначительным, при чем в конце этой практики скорость не превышала скорости тех лиц, которые практиковались три-четыре периода.

Из всего этого можно сделать вывод, что самым рациональным, самым экономным является такое распределение упражнений, когда периоды их не слишком часты и не слишком долговременны. В этом случае данный индивидуум лучше мог бы распределить свои остальные занятия в смысле отдыха и приобретения других навыков.

В приложении к практике преподавания стенографии это можно выразить пожеланием, чтобы по возможности занятия происходили ежедневно, при чем каждый день учащиеся работали бы при классных занятиях не более $\frac{3}{4}$ -одного часа. Большая продолжительность урока может подействовать на учащихся в смысле уменьшения относительной пользы от занятий.

Усвоение разных навыков.

С этим вопросом также тесно связан вопрос, каким образом влияет число одновременно усваиваемых навыков на быстроту усвоения каждого из этих навыков в отдельности¹⁾. До сих пор твердо установленные данные в этом отношении получили Ульрих в отношении животных. Если взять три группы животных и каждую заставить усваивать какой-нибудь навык, если затем взять четвертую группу и заставить ее усваивать все эти три навыка одновременно, то окажется, что этой последней группе потребуется гораздо большее время для того, чтобы усвоить все эти навыки. Здесь, конечно, не нужно забывать сказанного выше о продолжительности и распределении периодов практики во времени. Относительно человека, к сожалению, определенных данных не имеется, но есть основания полагать, что эти наблюдения и здесь подтверждаются.

Вопрос о распределении практики во времени тесно связан с вопросом и об утомляемости. На этом вопросе, равно как и на зависимости продуктивности упражнений от некоторых других причин, я позволю себе остановиться в следующий раз.

ЛИТЕРАТУРА.

- 1) Проблемы современной психологии, сборник 1926.
- 2) Психофизиология труда, сборник 1925.
- 3) Психология и марксизм, сборник 1925.
- 4) Психологическая хрестоматия 1927.
- 5) Джон Б. Уотсон. Психология как наука о поведении, 1926.
- 6) Труды Гос. института физ. культуры Наркомздрава.

ГИГИЕНА ТРУДА

Д-р Д. В. РАБИНОВИЧ.

Труд машинистки в свете профессиональной гигиены¹⁾.

(Продолжение)

VIII.

В предыдущих главах мы дали характеристику той формы профессионального заболевания руки (машинистки), при которой из всех частей этого сложного двигательного аппарата (нервы, мышцы, кости, суставы и пр.) основные болезненные явления разыгрываются в самой переутомленной мышце.

И сейчас перед нами встает вопрос, что же нужно сделать для того, чтобы описанная нами форма профессионального заболевания руки, назовем ее «мышечная», в дальнейшем не была, как сейчас, неизбежным уделом одной из трех работающих машинисток. Это — первое. И второе, если профессиональное заболевание не удалось предупредить, и оно уже приключилось, то как успешнее с ~~ним~~ бороться.

Мы разделим все профилактические (превентивные) мероприятия на две категории: направленные на более рациональную организацию машинописной работы и касающиеся методов работы самой машинистки, правильного профотбора работницы — всего того, что входит в понятие «личный фактор».

Среди мероприятий первой категории на видном месте стоит правильное распределение работы так, чтобы внезапная перегрузка не имела места. Мы подчеркиваем здесь слово внезапная.

Конечно, и хроническая перегрузка может привести к утомлению и заболеванию руки.

Но необходимо, во-первых, признать, что в наших советских условиях такая постоянная сверхмерная перегрузка работницы изо-дня в день является сравнительной ред-

костью. Обычно, ежедневная нагрузка — средняя, лишь иногда достигает верхнего предела. Затем необходимо иметь в виду постепенно образующуюся у каждой работницы путем длительной тренировки определенную приспособляемость к преодолению обычной дневной нормы своей работы. Каждая работница как бы установлена на определенный обычный для данного учреждения уровень нагрузки, почему мы имеем право говорить об «обычной для данной работницы профессиональной установке». Эта установка заключается в очень тонком и сложном контакте, в который вступают между собой все части двигательного аппарата — нервы, мышцы, сосуды и руководящие их работой центры в головном мозгу, которым и определяется в конечном счете характерный (привычный) для данной работницы ритм, темп работы, сила удара и пр.

И самым страшным для машинистки является не эта ежедневная нагрузка, а те резкие дезорганизующие как раз ее обычную профессиональную установку «приливы» в работе, которые сопровождают всякого рода предъездовские, предотчетные и прочие «лихорадочные» периоды. Мы имели возможность наблюдать случай, когда аккуратно каждый год работница заболевала профессиональной болезнью руки во время горячки по составлению годового баланса (печатание знаменитых ведомостей — «простынь») учреждения.

Правда, нужна значительная перегрузка, чтобы дезорганизовать устойчивую систему контактов и причинить работнице профессиональное заболевание, но в случаях, когда внезапные «приливы» повторяются не раз в год, а чуть ли не каждый день, машинистка даже не успевает выработать себе устойчивую профессиональную

¹⁾ Для нас этот вопрос особенно интересен и важен, в связи с практикующимся одновременным обучением стенографии и машинописи. Ред.

¹⁾ См. «В. С. и М.» №№ 1, 2 и 4.

установку, рука слабо сопротивляется перегрузкам и быстро сдается.

С кого требовать?

Конечно, требовать нужно в таких случаях с заведующей машинописным бюро. Это ее святая обязанность следить за правильным, равномерным распределением работы в течение дня, недели, сезона. Но иногда, к сожалению, и сами машинистки в погоне за лишним часом сверхурочных добровольно нагружают себя в такие «жаркие» дни вместо того, чтобы требовать приглашения дополнительного персонала с Биржи Труда, не понимая, что такая работа «себе дороже».

Мы хотели бы указать еще на два правила, имеющие отношение к регулированию нагрузки работницы:

1. Нельзя давать максимальной нагрузки машинистке с первого утреннего часа работы.

2. Нельзя давать максимальной нагрузки работнице, только что приехавшей из отпуска.

Здесь имеет силу известный закон механики, по которому нельзя пускать сразу в ход мотор с максимальной скоростью. Он может сгореть. Мышечный мотор вполне аналогичен в этом отношении техническому. Максимальная нагрузка может быть дана ему лишь спустя некоторое время после пуска в ход.

IX.

Второе зло, довольно распространенное, хотя также устранимое, это печатание за раз большого количества экземпляров.

Можно «зарезать» легковую лошадь, если запрячь ее в пятидесятипудовую телегу и заставить работать за ломовую. Это знает всякий, и ни один хороший хозяин этого не сделает. Но заставить скорую машинистку выжимать груз в 12—15 экземпляров папиросной бумаги или 7—8 экземпляров на плотной — это делается сплошь и рядом.

Несомненно, что от чрезмерно сильных ударов по клавишам не поздоровится и самой машинке. Но больше всего достается всё таки машинистке.

«После того, как поработаешь на 15-ти экземплярах папиросной бумаги, — как будто мешки таскала, плечи болят», говорит машинистка И.—а. И она не одна.

85% всех обследованных (из 300) ответили, что они предпочитают скорую работу работе с большим количеством копий, требующей усиленного удара. Эта массовая оценка,

основанная, очевидно, на впечатлениях ежедневного опыта, оказывается совершенно правильной и перед лицом науки.

Закон известного физиолога Шо в о гласит: «Мотор (мышечный) работает экономнее (т. е. требует меньшей затраты энергии), если дробить тяжесть и увеличивать скорость работы». Выгоднее разбить вязанку дров на части и стаскать эти части последовательно прямо на верхний этаж, чем забрать всю вязанку и останавливаться на каждом этаже.

Между тем, при увеличении груза, т. е. количества копий, как раз имеет место «забирание всей вязанки с остановками на каждом этаже», так как скорость перебежки значительно замедляется и палец задерживается на клавише значительно дольше. С другой стороны, из того же закона Шо в о следует, что «с увеличением груза и падением его скорости увеличивается расход на статическую работу», наиболее утомляющую, наиболее истощающую работника.

Различают два вида мышечной работы — динамическую работу, когда мышца передвигает определенный груз на определенное расстояние, и статическую работу, т. е. работу без видимого движения, когда, например, человек удерживает в руке груз при согнутом локте, испытывая тем большее напряжение, чем тяжелее удерживаемый груз. Статическая работа, как и обыкновенная работа с движением (динамическая), сопровождается расходом энергии, нагреванием и утомлением. В машинописной работе элемент статической работы очень значительный.

Итак, работа с большим количеством копий должна быть признана неэкономной, нерациональной эксплуатацией человеческой мышцы, и последняя при желании добиться от нее и грузового эффекта и скорости отвечает... профессиональной болезни.

К сожалению, опять-таки сами машинистки из боязни не выполнить норму хващаются за эту нерациональную форму работы и вместо того, чтобы два раза печатать по 8 экземпляров на рисовой бумаге закладывают сразу 16 экземпляров.

В машинописных бюро должна быть строго установленная норма количества печатаемых за-раз экземпляров. На основании эмпирических данных (данных опыта) мы считаем такой рациональной нормой 4 экземпляра на плотной бумаге и 8 экземпляров на папиросной. Несомненно, что лучшим рационализаторским мероприятием в этом отно-

шении является переход на довольно распространенные сейчас уже в Западной Европе и Америке электрические пишущие машинки, работа на которых требует от машинистки всегда одинакового удара по клавишу, необходимого лишь для замыкания тока; сила же удара буквы по валику регулируется механически особой установкой.

X.

Одной из профессиональных вредностей машинописной работы, которую необходимо устранить, является теперешний способ графления (разлиновка точками и тире). После графления остаются «отбитые» пальцы, появляются усиленные боли в мышцах и суставах. «До потери сознания руки свои замучаем» — так определяют сами машинистки действие графления.

Можно заменить графление карандашной разлиновкой — это один способ избавить машинистку от графления. Другой способ — линование свободным ходом каретки; при этом левая рука прижимает к валику тире (букву), а правая рука водит каретку слева направо и обратно, получается красавая разлиновка цельными линиями. Утомляемость при этом способе меньшая. Имеется в продаже специальный прибор «линовальщик», облегчающий этот прием.

XI.

Огромную роль в деле уменьшения профессиональных заболеваний руки машинистки может и должен сыграть рационально организованный режим труда, правильное чередование работы и отдыха. И здесь недостаточно установление общего трафаретного режима на все случаи, при всех условиях. Режим труда должен быть более гибким, учитывать по крайней мере три основных типа машинописной работы — работу под диктовку, текстовую и цифровую. Нам не раз задавали машинистки вопрос, сколько времени можно писать работу под диктовку без перерыва, т. е. иными словами, каков должен быть режим труда для пишущих под диктовку. Точно так же должен быть индивидуализирован режим труда и для двух других вариантов машинописных работ. Поскольку мы разбираем здесь рационализацию тех моментов машинописной работы, которые имеют ближайшее отношение к «мышечной» форме заболевания руки у машинистки (для которой цифровая работа является, как мы показали, наиболее харак-

терной), мы вопрос о режиме труда разберем прежде всего по отношению к цифровой работе.

Режим труда при машинописной работе, как вообще при работе с большим числом быстрых, часто повторяющихся движений, требует дробных перерывов; однако, при специализированной цифровой работе, необходимо внести ряд корректиров. Количество знаков (ударов) при цифровой работе в два раза меньше (за определенный промежуток времени) чем при работе под диктовку и не менее, чем в полтора раза меньше, чем при списывании с рукописи текстовой. Таким образом количество работы, вышагающей непосредственно на долю пальцев, казалось бы должно было быть здесь соответственно меньше. Принимая, однако, во внимание, что закрытие регистра и следуемое за этим поднятие каретки можно считать по меньшей мере за два удара (по затрате мышечной энергии), то даже в том случае, когда мы имеем машинистку, работающую на цифрах двумя руками (запирая и отпирая регистры), мы все же имеем через каждые три знака две манипуляции с регистром, т. е. фактически четыре добавочных знака. Таким образом, при цифровой работе с точками после трехзначного числа, а при больших числах (миллионы) и после седьмой цифры машинистка фактически с лихвой компенсирует кажущееся недостающее в цифровой работе, по сравнению с текстовой, число ударов.

Работа пальцев, следовательно, при цифровой работе ни в коем случае не может считаться меньшей, точнее менее утомительной, чем при текстовой. Здесь меньше динамической, но больше статической работы, которая особенно утомляет. К этому необходимо прибавить то увеличение поворотов головы, которое мы при цифровой работе отмечаем у всех машинисток, и которое также является довольно значительной затратой энергии (каждый поворот головы может считаться за *n*-ое количество ударов пальцев). Таким образом, фактически затрата мышечной энергии в связи с увеличившимся количеством рабочих движений при цифровой работе больше, чем при текстовой работе и даже при работе под диктовку. Кроме мышечного напряжения рук, шеи и мышц плечевого пояса, необходимо учесть напряжение зрения при цифровой работе, которое трудно поддается измерению, но зато чрезвычайно тяжело переносится и чревато довольно заметным ухудшением зрения

при постоянной цифровой работе. Что касается общего нервного напряжения, то оно не меньше, чем при диктовке и при списывании (вспомним напряжение внимания, страх перед цифрой¹⁾), а при плохой рукописи это напряжение даже значительно больше. Все эти данные говорят за то, что при цифровой работе особенно полезны мелкие, частые перерывы. В пользу их говорит не только гигиена руки, но и гигиена глаза. Здесь перерывы каждый час, безусловно, полезны по следующей, примерно, схеме:

10 ч. — м. — 10 ч.	5 м. = 5 м.
11 ч. — м. — 11 ч.	5 м. = 5 м.
12 ч. — м. — 12 ч.	30 м. = 30 м.
1 ч. 30 м. — 1 ч. 35 м.	= 5 м.
2 ч. 30 м. — 2 ч. 40 м.	= 10 м.

Бояться, что частые перерывы помешают наростанию беглости пальцев «только разгонишь — перерыв» здесь не приходится, так как при цифровой работе особенного «разгона» вообще не бывает.

XII.

На ряду с профессиональными моментами необходимо обратить внимание на моменты бытовые, которые часто усиливают имеющиеся налицо профессиональные вредности работ.

Сюда относятся перегрузки руки различными домашними работами, перетаскиванием тяжестей (летом с города на дачу), и, наконец, стиркой белья (чаще всего). При стирке кроме механической перегрузки руки существует еще момент охлаждения (при полоскании), к которому руки машинистки очень чувствительны. Мы имеем неоднократные жалобы машинисток на появление болей (покалывание) в кончиках пальцев при умывании рук в учреждении холодной водой. Разумеется, что здесь виновата не холодная вода сама по себе, а расстройство чувствительности в кончиках пальцев на почве постоянной травматизации (ущиба) заложенных здесь нервных окончаний и явления местного малокровия в кистях рук, делающие их особенно чувствительными к холоду.

Во всяком случае, вывод, который нужно сделать, это обязательное снабжение учреждений, где имеются машинописные бюро, постоянной теплой водой. Умывание рук теплой водой прекрасный способ восстановить, улучшить нормальное кровообращение

в рабочем органе, неоднократно испытанное²⁾.

Что касается стирки белья, то необходимо признать, что таковая является для машинистки противопоказанной и, наславшаясь на профессиональную перегрузку руки, она может действительно причинить серьезное заболевание. Особенно это касается молодых матерей с грудными детьми, стирающих белье не реже двух раз в неделю. В случае невозможности отдать стирку на сторону, необходимо прежде всего избегать момента охлаждения руки, т. е. полоскания белья в холодной воде. Во-вторых, по возможности ограничить чисто мышечную работу рук.

Во время обследования некоторые машинистки открывали нам секрет, как они ухитряются стирать без рук, «по рецепту». Тут фигурировал бензин и другие специи. Оставим этот вопрос открытым, авось кто-нибудь из товарищей машинисток откроет свой секрет рациональной стирки белья на страницах журнала.

XIII.

Мы коснулись важнейших моментов машинописной работы, отнесенных нами в начале статьи к первой категории, т. е. не связанных с личностью самой машинистки. Ко второй категории мы отнесли мероприятие, связанные с рационализацией методов работы самой машинистки и правильного профессионального отбора работницы. По вопросу о методах работы машинистки на страницах журнала ведется сейчас живейшая дискуссия, и мы его в настоящей статье не затронем. Оставляем за собой право вернуться к нему в другой раз. Что касается правильного профотбора, от которого также зависит в большей степени уменьшение профзаболеваемости и утомляемости при работе, то мы хотели бы не ставить этот вопрос во всем его объеме, а лишь по отношению к цифровой работе, которая связана с разбираемой нами формой заболевания руки особенно тесно. При определении профессиональной пригодности к работе, необходимо всегда учитывать склонности, интерес работника к данному виду труда, так как между способностями к работе, определяемыми типом личности данного работника и его же

²⁾ На заводе «Богатырь» калошницы, у которых имеются сходные с машинистками болевые явления в руках, давно применяют эту меру, опускание рук в теплую воду во время работы.

¹⁾ См. № 4 «В. С. и М.»

склонностями к этой работе существует тесная взаимная связь.

И вот ни один момент работы на машинке так резко не выявил связь между отношением к работе и типом машинистки, как именно цифровая работа. Мы имеем здесь в громадном большинстве случаев две крайности: или резко отрицательное отношение к работе, или резко положительное отношение; меньшинство относится безразлично. Какие доводы приводятся «против» цифровой работы и какие «за»?

«Цифровая работа — неинтересная работа, однообразная, здесь нет работы «для головы», тупеешь от нее — вот один ряд доводов — против цифровой работы. Дальше. Темп работ (скорость) невольно замедляется, вследствие чего машинистка, долго «сидящая» на цифрах, постепенно теряет свою скорость, начинает писать медленнее и, таким образом, деквалифицируется. Часто приходилось слышать такие речи: «Вот сократят, что тогда делать. Биржа дает работу тем, кто делает триста ударов в минуту, а мы свою скорость «на цифрах» потеряли и останемся за бортом».

Наконец, третий момент, и очень основательный, у противников цифровой работы — это большая утомляемость от нее, утомляемость прежде всего органа зрения, от которого цифровая работа требует особого напряжения, и утомляемость мышц руки, шеи и плечевого пояса.

Теперь выслушаем «защитников» цифровой работы. Они находят цифровую работу интересной, даже красивой, дающей возможность «проявить себя». «В цифровой работе», говорят они, «можно красиво распланировать, распределить таблицы, вообще проявить художественные способности. Дальше, цифровая работа спокойнее всякой другой: тебя оставляют лицом к лицу с работой и никто тебя не «дергает». Здесь требуется большая аккуратность в работе, чем беглость пальцев. Вообще здесь более, чем в других видах работы, обращается внимание на качество (а не только на количество), и здесь нет поэтому ненавистной «гонки». На графление любители цифровой работы смотрят снисходительно, так как, во-первых, графить можно и карандашем

и «кареткой»; во-вторых, при графлении работает рука, но... отдыхают глаза и не напряжено внимание. Следовательно, графление дает некоторый отдых «воспринимающему» аппарату и центральной нервной системе. Эти различные оценки цифровой работы и диаметрально противоположное отношение к ней связаны, конечно, с двумя различными психологическими типами, встречающимися среди машинисток. С одной стороны, тип нервный, с быстрым психическим темпом, крайне тяготящийся вообще монотонностью работы на машинке, и совершенно не умеющий приспособляться к этой монотонной работе; с другой стороны, мы имеем тип работницы с несколько замедленной, но более точной психической реакцией, хорошо приспособляющейся к сравнительно однообразной работе внесением в нее элемента интереса (художественность) или отвлечением внимания от работы благодаря выработавшейся уже автоматизации.

К сожалению, моментом определяющим на цифровую работу, на специализацию даже этой работой чаще всего бывает не психологический или конституциональный тип машинистки, а... величина каретки машинки.

Вопрос. «Почему вы сидите на цифровой работе?»

Ответ. «У меня машинка с большой кареткой».

Основание для профотбора очень удобное, хотя вряд ли целесообразное.

Заведующим машинописным бюро следует в основу профотбора положить прежде всего склонность к работе самой машинистки (при специализации машинистки). Лучше давать работу тем, которые такую работу любят, чем руководствоваться трафаретом «всего всем поровну».

Нам осталось сказать о вопросе, живо интересующем каждую машинистку, как быть в тех случаях, когда «профилактика» не действует, или не подействовала, как лечить заболевшего профессиональным заболеванием руки работника машинописи.

Этому вопросу и будет посвящен наш следующий очерк.

(Продолжение следует).

ОРГАНИЗАЦИИ МАШИНОПИСИ

С. КОСАТКИН

Организующая роль учета

(В порядке обсуждения)

Товарищи, и в частности тов. Попор, отрицающие необходимость и целесообразность учета выработки машинисток, упускают из виду одно очень важное обстоятельство: организующую роль учета. Ведение учета выработки отдельных машинисток позволяет нам, во-первых, определить общую массу работы машинописного бюро—его постоянную нагрузку и ее колебание во времени — и, во-вторых, разложить эту нагрузку на отдельных машинисток, сообразуясь с их квалификацией; поэтому с не меньшей категоричностью, чем это делает тов. Попов, и в противовес его суждению, можно высказать утверждение, что учет выработки машинисток полезен и практически необходим. В самом деле, я не вижу иного способа разрешить более или менее верно вопрос об установлении необходимого для учреждения числа работниц, исполняющих машинописную работу; только длительное наблюдение при условии пользования однообразными приемами и методами оценки могут дать нужное обоснование практическим выводам. Совершенно непонятно, о каких методах контроля говорит тов. Попов, если он отрицает самый источник получения критерия для этого контроля — учет. Осуществлять же контроль, не имея нормали, значит, по просту говоря, рекомендовать метод административного усмотрения.

Повидимому и сам тов. Попов перестал верить в абсолютную правильность своих рассуждений, поместив во втором номере «Вопросов стенографии и машинописи» существенную оговорку о машинистках, подлежащих месяцное вознаграждение (курсив тов. Попова).

Играет ли решающую роль так называемая «точность» учета? Я думаю, на этот раз в полном согласии с тов. Поповым, что не играет. «Точность» учета скорее является

отрицательным фактором, усложняющим и запутывающим работу, ничего практически не дающим, кроме значительного (в машинописном бюро среднего масштаба) накладного расхода. В самом деле, так наз. «точный» учет индивидуализирует работу, а так как эта индивидуализация является чрезвычайно сомнительной, то происходит неизбежная дифференциация погрешностей; в конце концов, всякое представление о нормали утрачивается; наоборот, чем менее точен учет, тем он больше подходит для наших целей, так как грубость ошибки обобщается и в массе учитываемого материала погрешность распределяется более равномерно; таким образом, суть вся заключается не в точности самого учета, а в установлении однообразия его приемов и в простоте и быстроте самого процесса учета. В этом отношении прекрасными приспособлениями могут служить гиперболический измеритель Вл. Пчельникова или прибор В. Шолохова, описанный во 2-м № «Вопр. С. и М.»; кстати сказать, последний не представляет собой ничего оригинального, если не считать прикрепления прозрачной сетки к доске.

Должен ли учет машинописных работ производиться постоянно? Конечно, нет. Необходимость в учете отпадает в тот момент, когда с достаточной достоверностью можно будет определить, что средняя загрузка учреждения машинописной работой выражается в п-ом количестве условных единиц, что это среднее есть величина постоянная и что для выполнения этой массы работы требуется п-ое количество персонала известной квалификации,— словом, учет становится ненужным тогда, когда организатор имеет в руках практически проверенные контрольные цифры.

До этого момента учет выработки практически необходим, ибо он играет крупную

И МАШИНОПИСИ

организующую роль. Огульное отрицание необходимости и полезности учета обнаруживает вредную тенденцию чрезмерного упрощения проблемы.

На практике, даже в учреждениях, получивших благодаря длительным на-

блюдениям упомянутые выше контрольные цифры, будет возникать необходимость в повторении учетной работы в тех случаях, когда жизнь даст более или менее резкое отклонение от принятых нормалей.

А. ХМИЕЛЬ

Учет — союзник охраны труда

(В порядке обсуждения)

Изучение изнурительного труда машинисток оставляет желать много лучшего. Отсутствие четко выработанной системы обследований и единого центра, который руководил бы этой работой, приводит к тому, что или самый процесс исследовательской работы и сделанные выводы в большинстве своем не получают широкой огласки и подчас совсем неизвестны широким массам работников или в руки к ним попадают материалы, из которых выпирает кустарничество (см. отзыв о книге Юровской М. А. «Утомляемость машинисток» в № 3 «В. С. и М.»).

Это незнамство как с выводами, так и с целями и задачами, какие преследует обследование, вызывает скептическое отношение к нему самих обследуемых работников и приводит к совершенно неправильной оценке, даже и лучших результатов.

Ярче всего это обстоятельство сказалось на отношении машинистки к учету ее выработки. Многие почему-то считают, что учет это только стремление к интенсификации, ускорению темпа работы и т. д.

Нельзя, конечно, недооценивать проблемы машинописи и сказать, что рационализация ее не коснется. Но совершенно неправильно в каждом рационализаторском мероприятии видеть только одну сторону дела — повышение производительности труда — и отбрасывать другую, не менее актуальную у нас сторону — улучшение условий труда.

Достаточно беглого просмотра жалоб машинисток, чтобы убедиться, что на первом месте стоят жалобы на количество материалов, которое приходится одолевать в течение 6-часового (а подчас при систематических «экстренных» и «сверхурочных») и более длительного рабочего дня.

В наших условиях, когда использование труда должно производиться с учетом максимально возможных предупредительных

мер по охране труда,—существенным мероприятием, от деловой постановки которого зависит устранение многих недостатков, может быть только научно-обоснованный и правильно поставленный учет.

Правда, у нас он еще не вытекает из научных выводов, однако, несмотря на это, существующие нормы все же достигают первой и основной своей цели — ограничивают «простор» заданий, даваемых машинистке. Уже это одно крайне важно, так как всякая лишняя страница, всякая лишняя строка, сделанная не во время, усиливает вредное влияние машинописной работы на организм.

Учет не дает ничего только той заведующей бюро или старшей машинистке, которая не хочет видеть или недостаточно хорошо знает ту целевую установку и ту громадную роль, которую играет учет в деле сбережения сил и здоровья машинистки.

В руках опытной заведующей (а нужно добиться, чтобы они везде были опытны) учет выработки превращается в тот регулятор работы и отдыха, о котором так убедительно пишет в № 3 «ВСиМ» д-р А. Бружес. К сожалению, мы далеки еще от того, чтобы дать равномерную загрузку всем машинисткам, поэтому нельзя также говорить и о равномерных перерывах (кроме получасового). Рациональное распределение мелких разрывов, столь же необходимых машинистке, как рыбьему воде, будет неизбежным результатом учета, будет механически вытекать из столбца цифр и коэффициентов, расположенных перед глазами зав. бюро.

Наличие нормы и учета дает также возможность учесть те неблагоприятные факторы, которые влияют на труд машинистки. Понижение нормы заставит устраниить первоисточник, влияющий на работоспособ-

ность машинистки и вызывающий это понижение (шум, хождение в бюро, недостатки света, метода работы, системы машины, приспособлений — пюпитра, стула и пр.).

При значительной текучести штата в наших учреждениях зачастую единственным измерителем служит учет нормы выработки. Не нужно далеко ходить за примером, когда экономкомиссии удаётся отстоять единицу в машбюро только благодаря тому, что с цифрами в руках может быть доказана перегрузка штата или необходимость сверхурочных работ.

Кроме того, при сопоставлении двух машинисток, хотя бы даже с поправочным коэффициентом на качество работы, как этого хочет тов. Нечаева, принятая в основу норма дает возможность более безошибочно решить вопрос о квалификации сопоставляемых.

Этих, далеко еще не полных, примеров достаточно для того, чтобы указать на сколько необходимо с точки зрения охраны труда машинисток ведение учета выработки.

До тех пор, пока не удастся установить более совершенной и научно-роверенной нормы, выработка в 22 страницы, изложенная в статье т. Попова («В. С. и М.» № 3), должна быть принятой в основу. Вооружившись к тому же измерителем системы т. Шолохова (см. «ВСиМ» № 2) и переводя время, затраченное на печатание таблиц, копий, расшифровку стенограмм на бальную систему, мы сделаем значи-

тельный сдвиг в сторону правильной оценки труда машинистки.

Предлагая остановиться на 12 балльной системе, упоминаемой т. Поповым, мы все же должны оговориться, что не можем да и не должны принять ее без оговорок.

С одной стороны, необходимо принять во внимание уровень развития работниц машбюро, их недостаточную подчас квалификацию, в особенности в провинции, далее перебор в работе и гонки в наших канцеляриях и целый ряд других технических затруднений (плохие машинки, поломки и т. д.). С другой стороны, начиная с перенесения в нашу обстановку опыта западных капиталистических стран, мы должны делать уклон на максимальную экономическую полезность, без профзаболеваемости, без эксплоатации, с рациональным распределением сроков работы и отдыха, устранением ранней инвалидности и т. д. Эта работа по нормировке труда машинистки уже начата рядом учреждений. Если объединить материалы, полученные институтом Обуха, Институтом Техники Управления, ЦК ССТС и другими учреждениями, то сводка их и ознакомление с полученными выводами широких масс работников машинописи помогла бы разрешить в самом непродолжительном времени вполне назревшую проблему.

М. ЛЕВИНСОН

Машинистки — счетные работники

Работая в Машбюро, машинистка выполняет работу всех отделов учреждения, а не исключительно своего, часто небольшого отдела с очень однообразной работой. Тут и переписка текста, и письма с расчетами, и цифровые ведомости, и печатание на восковке, и много других видов работы, дающих машинистке звание «универсальной», а мне кажется, что всякая хорошая машинистка должна обязательно быть «универсалкой».

Однако, высказываясь за обязательную «универсальность» машинистки, я этим вовсе не хочу сказать, что машинистка не должна специализироваться на одной работе. Конечно, я не думаю печатания исключительно одного вида работы, как, напр., восковок, цифровых ведомостей, договоров и т. п.,

а подразумеваю специализацию в более широкой области, а именно — в счетной работе. Я имею в виду машинисток — счетных работников. На первый взгляд они как будто и не отличаются от всех прочих машинисток, но, притягнувшись к их работе, мы увидим, что она совершенно не похожа на обыкновенную работу машинисток. Первым отличием машинистки — счетного работника является то, что рядом с ее машинкой лежат счеты. Вся работа ее гораздо самостоятельнее и сложнее и дает более высокую квалификацию.

Целый ряд работ рационализаторского характера привлек машинисток к этой более сложной работе. Например, — машинистки-мемориалисты, ведущие на машинке мемориал. Мы знаем, что мемориал есть зеркало

учреждения — отражает почти все счетные процессы дня. Следовательно, машинистка раньше всего должна твердо знать корреспонденцию счетов. Зная наименование счета и его назначение, конечно, уже не трудно составить статью (краткое содержание операции) и отнести сумму на соответствующий счет, на основании полученного письма, ордера, авизо или другого документа. После каждой произведенной проводки, если по одной и той же операции задето несколько счетов, необходимо тут же все суммы подсчитать, дабы убедиться, что по Дебету и Кредиту получается одна и та же сумма. В конце дня машинистка подсчитывает мемориалы за данный день, сверяя Дебет с Кредитом.

Ведением мемориала раньше занимался опытный бухгалтер, при чем он вел его от руки; теперь же мы видим, что с этой работой прекрасно справляется машинистка, что, несомненно, является для нее большим достижением, а также ускоряет дело и значительно удешевляет труд.

Кроме этого вида работы — ведения мемориала на машинке и подсчета его, есть еще целый ряд других работ, дающих машинистке-счетоводу возможность приобретать новые практические (что, несомненно, влечет за собой и теоретические) познания в этой большой области — бухгалтерии и счетоводства.

Машинистка, например, составляет на машинке авизо (т. е. извещение) на текущие счета, клиентам или корреспондентам. Конечно, машинистка, выдвинутая только недавно на счетную работу, вначале будет писать эти извещения по трафаретному образцу, задавая в каждом новом случае целый ряд вопросов своим старшим товарищам. Но я уверена, на основании личного опыта, что спустя очень короткое время, этой новой счетной работнице, точно уяснившей себе самую основу производимой работы, —

никакие новые случаи в составлении извещений уже не будут страшны, и она сумеет самостоятельно и быстро разбираться в работе.

Точно так же в обязанности машинистки-счетовода может войти выписка ордеров в кассу, прием переводов за границу, перерасчет на иностранную валюту и составление поручений на заграничных корреспондентов (если она работает в учреждении, производящем операции с за границей). Во всех этих случаях машинистка исполняет указанную работу самостоятельно, непосредственно на пишущей машинке, на основании получаемых документов, свидетельствующих о распоряжении произвести ту или иную операцию, или же на основании слов клиента, что освобождает последнего от подачи письменных заявлений и тем самым ускоряет дело.

Наконец, составление некоторых ведомостей, умение расположить нужные графы, подсчет и проверка остатков является, на мой взгляд, тоже ценным достижением машинистки, и более интересной работой для нее, чем исключительно перепечатывание писем, ведомостей и пр.

Имея уже практическую подготовку по счетной работе, у всякой машинистки появится желание получить и теоретические познания. При наличии в данное время большого количества кружков при учреждениях и курсов, а также при существующем стремлении учреждений помочь сотрудникам в приобретении новых знаний, — расширение своей специальности становится для машинистки вполне доступным.

Машинистки — счетные работники до настоящего времени очень редки в наших учреждениях, но я хочу надеяться, что наши машинистки, проявившие себя столь энергичными работниками в деле рационализации машинописи, не отстанут от этих немногих, достигших более высокой квалификации.

МЕТОДИКА

Н. ДМИТРИЕВСКИЙ

Методика письма на машине в свете современных научных исследований

(В дискуссионном порядке)

Обычно наука двигает технику. Однако, с пишущей машиной случилось как раз наоборот. Более 20 лет прошло со времени появления на рынке пишущей машины, прежде чем человеческая мысль взялась за исследование процессов письма на машине. Правда, уже к моменту появления первых пишущих машин на рынке в Америке были сделаны исследования сочетания букв в английском языке в целях расположения их на клавиатуре, но исследования на этом и остановились. Добытая позднейшей наукой теория жестов — сочетаний человеческих пальцев — в то время не только не была известна, но не приходила никому и в голову.

В результате пишущая машина продолжала развиваться, руководствуясь исключительно указаниями практиков, коммерческими соображениями фабрикантов и случайной индивидуальностью изобретателей.

Этой отсталостью теории от практики объясняются многие конструктивные особенности современных пишущих машин. Так, например, первая выпущенная на рынок машина «Ремингтон» писала только заглавными буквами, имея всего 38 клавиш. Когда жизнь вскоре же выставила требование на строчные буквы, то место увеличения числа клавиш был изобретен регистр. Здесь фабрикант и конструктор явно шли за непроверенными теорией, требованиями практики: при отсутствии методики письма пользование даже 38-ю клавишамиказалось затруднительным. Удваивать это число — казалось похоронить новую машину в глазах мало понимавшего в ней потребителя. К тому же приводили и коммерческие соображения: удвоение числа клавиш и буквенных рычагов удорожало машину, а ее первоначальная цена и без того казалась дорогой по сравнению с неизвестной еще потребителем полезностью самой машины.

Таково происхождение регистра, ставшего теперь неотъемлемой принадлежностью современной универсальной клавиатуры. Когда позднее зародилась теория на машине, а сама машина подверглась научным исследованиям, то было с неопровержимостью доказано, что регистр поглощает 8—10% полезной работы пишущего, значительно увеличивает шум, способствует большей утомляемости пишущего и делает машину скорее изнашиваемой. Но эти научно-обоснованные данные уже запоздали. Регистр для заглавных букв настолько вошел уже в употребление, что клавиатура с регистром была признана всеми практиками «универсальной». Машины с полной клавиатурой, хотя и появились на рынке (Каллиграф, Смис-Премьер, Иост), но вследствие всеобщей привычки к регистру не могли завоевать на рынке подобающее место и мало-по-малу переходили на универсальную клавиатуру. Даже лучшая из них «Смис-Премьер № 10», представляющая собой образец конструктивной техники, выдерживала непосильную конкуренцию с универсальной клавиатурой лишь до 1919 года.

На этом примере мы ясно видим, какую существенную роль сыграла отсталость научных исследований от быстро развивающейся конструктивной техники.

Только за последнее десятилетие нашей эры теория письма на машине за границей углубляется, наконец, в психо-технику пишущего и в отыскание объективных законов письма, независимых от субъективных признаков пишущих.

Первый из законов, добывших за этот период западной теорией, говорит о том, что абсолютная скорость письма на машине (т. е. скорость, независимая от ловкости пишущего, а составляющая конструктивное свойство самой машины в ее современном виде) очень не велика: по немецким данным — это всего 16 ударов в секунду, по американ-

И МАШИНОПИСИ

ским — до 20 ударов в секунду. Насколько эта предельная скорость не велика — показывают результаты матча 1927 года между Е. Митчелль и О. Фишер, где Митчелль показала скорость в 974 удара в минуту или — 16 ударов в секунду. Таким образом, в письме на повторение заученной фразы практическая машинопись достигла уже предела абсолютной скорости или во всяком случае подошла к нему весьма близко.

Второй закон явился результатом 9-летних опытов Ж. М. Лайя директора экспериментальной лаборатории в Парижской Школе «des Hautes Etudes».

Путем остроумно скомбинированных приспособлений к пишущей машине Лайя удалось получить графическое изображение силы и продолжительности ударов по клавишам и частоты их следования друг за другом. Для производства своих опытов Лайя подвергал испытанию на графическую запись машинисток самой различной квалификации как в смысле скорости, так и в смысле методически-правильного письма. И, несмотря на это разнообразие субъектов, результат получался неизменно один и тот же: те рядом написанные буквы, клавиши которых ударялись пальцами разными руками, независимо от расположения этих букв на клавиатуре и независимо от пальцев, которыми ударялись соответствующие клавиши — всегда у каждой машинистки следовали с наибольшей быстрой, с наименьшей продолжительностью удара и с наиболее равномерной силой удара. Это дало основание Лайя установить новый закон письма на машине: закон чередования рук (*la loi de l'alternance des mains*).

Эти два теоретических достижения вызвали за границей серьезную ревизию приемов письма на машине. Первым практическим результатом было введение ритма в методику письма на машине. Без тренировки на выработку ритма не мыслится теперь за границей ни одна система обучения машинописи.

Далее, в свете этих новых положений подвергся критическим исследованиям и десятипалцевый метод. В первую очередь были взяты под сомнение его теоретические обоснования, взятые, как известно, из отождествления письма на машине с игрой на фортепиано. Тщательный анализ существа обоих процессов, проделанный современными исследователями, вскрыл весьма существенные различия в этих процессах и привел к совсем иным выводам, чем те,

какие были сделаны основателями десятипалцевого метода.

Правда, психотехническая работа пианиста, играющего по нотам, и такая же работа машинистки, переписывающей текст — процессы весьма сходные, во многом тождественные. С психотехнической стороны различие между этими процессами лежит главным образом в меньших средствах, имеющихся в распоряжении машинистки для преодоления этого процесса. И у пианиста и у машинистки в процессах их работы участвуют и зрение, и абстрактная работа мозга, и мышечная работа рук. Но у пианиста для контроля над правильностью всего процесса и для восприятия его эффекта участвует еще слух. У машинистки для этих целей нет ничего, кроме того же зрения, и так уже загруженного чтением текста. При этом пианист во время игры концентрирует свое внимание на нотах, не глядя на клавиатуру. Машинистка же, списывающая с текста, находит нужные ей на клавиатуре буквы при помощи того же зрения. Таким образом, в то время как у пианиста зрение имеет лишь одну задачу — чтение нот, у машинистки их три: чтение текста, отыскание букв на клавиатуре и восприятие эффекта.

Эта схема сама по себе совершенно верна, но вытекающие из нее последствия совсем не те, какие были сделаны основателями десятипалцевого метода.

Сопоставление обоих процессов приводит не к десятипалцевому, а к слепому методу письма на машине, к необходимости писать «не глядя на клавиатуру». Это положение настолько очевидно и настолько проверено уже практикой, что слепой метод письма на машине не встречает больше возражений.

(Считаю нужным, впрочем, тут же оговориться, что метод письма на машине и метод обучения письму на той же машине — не одно и то же. Поэтому, поскольку мы еще встречаем споры о «слепом» и «зрительном» методе, как педагогических приемах, — мы имеем дело лишь с внутрипедагогическим частным спором, которого я не буду касаться в рамках настоящей статьи).

Дальнейшие отождествления процессов игры на рояли и письма на машине оказываются совершенно несостоятельными. Так использование пианистом при игре всех десяти пальцев есть существо процесса, а не только методический прием. Без десяти пальцев немыслимы были бы ни аккорды, ни вообще исполнение на рояли тех музы-

кальных произведений, которые написаны для этого инструмента. Далее, значительная часть звуков на рояли следует друг за другом без всякого промежутка, слитно (*legato*): без десяти пальцев были бы неиспользованными на рояли арпеджио.

Совсем иначе обстоит дело на пишущей машине. На пишущей машине невозможны аккорды — одновременное написание двух или более букв сразу. На пишущей машине немыслимо и *legato* — слияние двух ударов букв овал в такой последовательности, чтобы между ними не было некоторого промежутка времени, необходимого на то, чтобы один буквенный рычаг успел уступить место другому. Поэтому, в противоположность рояли существование процесса письма на машине не требует употребления всех десяти пальцев. Письмо на машине десятью пальцами есть только методический прием, по предположению сторонников, облегчающий письмо.

По основатели десятипалцевого метода не только ввели ничем необоснованное обязательное употребление всех десяти пальцев, но и установили еще предраспределение клавиатуры между отдельными пальцами. В этом отношении десятипалцевый метод пошел гораздо дальше своего прототипа — игры на рояли. Там ведь нет предраспределения клавиш между пальцами — пальцы пианиста совершенно свободны. Чем же обоснована такая связность пальцев со своими клавишами в письме по десятипалцевому методу? Только предположением, что без предраспределения клавиш между пальцами нельзя запомнить расположение букв на клавиатуре. Но эта предпосылка не выдерживает критики, хотя бы, из того же сравнения с клавиатурой пианино. Почему пианист, имеющий перед собой не менее 80 клавиш, осваивается с их расположением без предраспределения клавиш между отдельными пальцами, а машинистка не сможет этого сделать, имея перед собою клавиатуру всего в 46 клавиш, к тому же расположенную на площади вчетверо меньшей, чем клавиатура пианино? Ясно, что и в этом приеме десятипалцевого метода мы имеем не научно обоснованную систему, а случайный подход, составляющий ныне такой же пережиток, как былое завязывание глаз при обучении по слепому методу.

Итак в свете научного анализа основ десятипалцевого метода от него остается только верхушка — только метод письма «не глядя

на клавиатуру», так называемый слепой метод. Обязательное же употребление всех десяти пальцев и предраспределение между ними клавиатуры должны быть отброшены как методические пережитки, лишь засоряющие процесс работы на машине.

Метод «свободных пальцев», согласованный с законом чередования рук и ритмичностью ударов — вот основы новой методики письма на машине.

Эти выводы современной теории письма находят себе массу подтверждений и на практике. Даже наиболее ярые приверженцы десятипалцевого метода, как известная Баррэ-Клингер, преподавательница Стенографической Ассоциации в Лимузине, в конце своей педагогической деятельности считает нужным заявить, что необходимо делать индивидуальные отступления от десятипалцевого метода как в количестве используемых пальцев, так и в распределении между ними клавиатуры, обращая в то же время самое серьезное внимание на выработку ритма письма (*La Doigté et l'Enseignement de la Machine à écrire. La Revue de Bureautique Aout 1924*, p. 407).

К такому же выводу приводят и выступления машинисток-практиков на конкурсах: большинство успешно выступавших пишет не 10-ю, а 8-ю и 6-ю пальцами. В частности победительница европейского чемпионата в 1926 году — О. Пио пишет только 6-ю пальцами. Являясь не только чемпионаткой, но и педагогом, Пио — убежденная сторонница метода свободных пальцев: основные приемы ее школы — свободные пальцы и точный ритм.

Наконец, тот же результат выявили и опыты кинематографических зафиксирований фактического числа пальцев, употребляемых на практической работе машинистками, обучавшимися по десятипалцевому методу. Опыты эти показали, что на практической работе машинистка, пишущая на взгляд 10-ю пальцами, — в действительности пишет 6—8-ю пальцами, употребляя мизинцы, а часто и безымянные пальцы лишь в исключительных случаях. При этом распределение клавиатуры между употребляемыми пальцами на практической работе не носит постоянного характера и во многом отступает от распределения по системе, даваемой десятипалцевым методом.

Таково в настоящее время положение методики письма на машине за границей.

В каком же положении находится методика машинописи в нашем Союзе? Слабое

проникновение к нам из-за границы за последнее десятилетие литературы по машинописи создало у нас впечатление о десятипалцевом методе как единстве ином методе письма на машине. Конечно, при таком положении даже весьма несовершенный метод был предпочтительнее отсутствию всякого метода. Никаких собственных исследований у нас не велось, и противопоставить с виду стройному десятипалцевому методу нам было нечего. При таких условиях наши сторонники незыблемости десятипалцевого метода объявили под подозрением в невежестве каждого, возвышавшего свой голос для критики десятипалцевого метода.

Такому положению пора положить конец. Большая исследовательская работа, проделанная в области методики машинописи за границей, должна стать достоянием наших работников машинописи; критике ничем не обоснованного десятипалцевого метода должно быть отведено подобающее место. Должно быть проверено, в какой мере этот пока еще единственный проработанный у нас метод письма может быть руководящей линией наших школ машинописи.

В наших русских условиях перед нами стоит еще одна очередная задача — стандартизация русской клавиатуры.

Для правильного построения клавиатуры нужно не только изучение особенностей языка и сочетания в нем букв, но в еще большей степени необходимо изучение рациональных приемов письма — сочетания жестов человеческих рук, — а ответ на этот вопрос может дать только научно-разработанная методика машинописи.

УГОЛОК

ФИЗКУЛЬТУРЫ

И. СОЛОНЕВИЧ

Или увяданье — или физкультура

В одном немецком журнале я недавно прочел объявление о креме для загара. Если вы вспомните о тех кремах против загара, которыми были полны страницы объявлений дореальных журналов, то вы согласитесь с тем, что в настроении и в моде произошла маленькая перемена. Перемена по направлению к здоровью. Тяга к здоровью сделалась в некотором отношении лозунгом современности, и женская половина рода человеческого — в такой же степени, как и мужская, — стремится к здоровью во всех его проявлениях.

В прошлом номере «В. С. и М.» я писал о домашней гимнастике, как о некоей «первой ступени оздоровления». Современная физкультура кроме этой первой ступени, дает еще целый ряд средств, которые, в сущности, все сводятся к одному: к движению на чистом воздухе. Техника физкультуры заключается в том, чтобы сделать это движение в максимальной степени полезным и в максимальной степени интересным. Нужно сознаться в том, что собственно женская физкультура поставлена еще сравнительно слабо и что большинство спортсменок пытается копи-

ровать чисто мужские виды (вроде легкой атлетики, баскетбола и пр.) — без особенной для себя пользы. Между тем уже и сейчас мы можем предложить и женщине вообще и женской молодежи, в частности, целый ряд видов спорта, которые будут и посильны, и полезны, и интересны.

Для лета, в первую очередь, нужно поставить

Водный спорт.

Он хорош уже одним тем, что все четыре кита физкультуры — солнце, вода, воздух и движение — здесь соединяются в одно целое. Особенно желательно плаванье.

Это единственный вид спорта, в котором женщина не уступает или почти не уступает мужчине. Для плаванья характерны ритмизированные движения, лишенные особой резкости. В некоторых стилях плаванья работа ног дает очень хорошее развитие так называемому «газовому дну». Это — главным образом стиль плаванья на груди (а ля брас), который мы особенно рекомендуем всем женщинам сидячего труда. При этом стиле сильно прогибается позвоночник, исправляя таким образом привычную сутолость «сидячих профессий». Широкие движения рук очень хорошо развивают грудную клетку.

Несколько менее подходят так называемые скоростные стили плаванья, требующие большей резкости движений и значительно большего напряжения (треджон, кроуль и друг.).

Гребля является одним из самых популярных видов женского спорта, — особенно прогулочная гребля. С чисто физиологической точки зрения, для «сидячих профессий» у нее есть некоторые минусы: приходится сидеть. За то, с другой стороны, гребля дает как раз движения рук, которые особенно желательны для машинистки. Ха-

рактерная поза машинистки: руки слегка протянуты вперед, к середине, сжимая, таким образом, грудную клетку. В гребле руки силою отходят назад, отводя ключицы и расширяя грудь.

И в плаванье, и в гребле не следует увлекаться длительностью и быстротой. Оба эти вида спорта требуют довольно значительного, хотя и мало заметного напряжения сердца. Конечно, лучше всего перед началом водного сезона обратиться к врачу.

Игры.

Из всех женских «взрослых» игр — наиболее популярная у нас, к сожалению, крокет. К сожалению — ибо крокет физиологически не дает почти ничего, кроме пребывания на чистом воздухе и, кроме того — только склонен усиливать сутулость «сидячего труда». Если в крокет играть как следует: не толкать шар, а ударять его с размаху, то и крокет даст значительно большее разнообразие движений.

Однако, лучшей игрой для машинистки и стенографистки будет волей-бол. Игра состоит в перекидывании руками обычного футбольного мяча через сетку, протянутую поперек площадки размером в 25×15 метров. Игра дает большое разнообразие движений и заставляет все тело тянуться вверх — выпрямляя, таким образом, позвоночник.

Волей-бол имеет и еще одно весьма существенное преимущество: он дешев. Все его оборудование — футбольный мяч и сетка. Футбольный мяч можно заменить простым резиновым, сетку — лентой, и тогда все оборудование уложится рубля в три.

Интереснее и — со спортивной точки зрения — ценнее — теннис. Но он — значительно дороже. Там, где есть теннисные корты (площадки) стенотиписткам следует использовать их по возможности полно.

Теннис — одна из самых увлекательных игр. И одна из самых полезных для женщины. (См. рис. на 31-й стр.)

Велосипед.

Велосипед мы не советовали бы увлекаться. Он дает согнутое положение тела — особенно при неправильной посадке, и вызывает прилив крови к кистям рук. Если у вас есть велосипед — выработайте в себе правильную посадку: тело сгибается только в тазобедренном суставе. Позвоночник остается прямым. Поставьте высокий и широкий руль и достаточно мягкое седло.

Работа в кружке физкультуры.

Если у вас есть хоть маленькая возможность — запишитесь в кружок физкультуры. Если даже вы не сможете посещать его особенно аккуратно, он все же даст вам массу навыков, которых вы не вычитаете ни из какой книжки. Занимайтесь там гимнастикой, легкой атлетикой. Не старайтесь ставить рекордов и выступать на состязаниях — это вам в большинстве случаев не нужно. А если инструктор будет вас заставлять (кое-где это еще бывает) — апелируйте в губотдел или даже в ЦК — подтянут.

Организуйтесь.

И, главное, организуйтесь. В одиночку в большинстве случаев не сделаете ничего. Но если вы собиретесь небольшою хотя бы группой, — вы сможете добиться и помощи месткома, и помощи союза, — да и самим будет веселее. Не задавайтесь широкими планами. Наметьте что-нибудь конкретное и выполнимое и настаивайте на его выполнении.

Не забывайте о здоровье.

Московское Научно-Стенографическое Общество

С момента юридического оформления МНСО прошло около трех с половиной лет — период времени достаточный, чтобы попытаться дать оценку того, что сделано МНСО и в чем его задачи на будущее.

МНСО, как таковое, еще не выкристаллизовалось в законченную организацию научного характера, еще не сумело достаточно отчетливо оформить свою целеустремленность и работу его от случая к случаю, от темы к теме, не имела и не имеетстройной систематичности и строго очерченных контуров.

В настоящий момент МНСО несомненно переживает в известной степени кризис. Оставляя в стороне такие больные вопросы, как отсутствие постоянного своего помещения, трудность получения помещения для общих собраний, технические затруднения в извещении членов МНСО о собраниях и докладах,— надо остановиться на главных дефектах, которые имеют, может быть, решающее значение в работе МНСО.

МНСО насчитывает не одну сотню членов Общества, крайне неаккуратных в отношении выполнения своих обязанностей членов О-ва, и с другой стороны, неосведомленных о своих правах, целях и задачах О-ва. Если первое создает затруднения в организационной жизни МНСО, то второе мешает О-ву планомерно вести свою работу и дать всестороннее развитие и разрешение ряда проблем стенографии.

Вторым моментом, в значительной степени связанным с известной аморфностью членской массы МНСО, является инертность, как бы падение интереса к ряду больших вопросов стенографии со стороны широких стенографических кругов. Это безразличие только кажущееся, ибо у каждого из стенографов, несомненно, имеется интерес к исканиям и разрешению того или другого вопроса, связанного со стенографией. Здесь можно указать на вопросы, связанные с разработкой той или иной системы, моменты прикладного характера (диктанты, гаммы, конкурсы) и т. д.

В своей работе за истекший год МНСО сделал чрезвычайно мало, но эта небольшая по объему работа несомненно имеет свои положительные стороны.

Если оставить в стороне издание учебника Гильдебранда, что впрочем отняло много времени и энергии, то главным образом следует коснуться вопроса расширения связей МНСО. Доклад МНСО на международном конгрессе в Брюсселе, само участие МНСО на этом конгрессе в лице тов. Юрковского А. М., получение ряда немецких журна-

лов, большой партии книг из Дрезденской библиотеки, обмен письмами и изданиями, правда пока еще нерегулярный и случайный,— все это имеет место в истекшем году и несомненно является большим достижением.

В пределах Союза эти связи до настоящего времени осуществляются только путем переписки с товарищами, работающими на местах, и, может быть, пора поставить на очередь вопрос о другой форме связи.

Тут нельзя не подчеркнуть того обстоятельства, что товарищи с мест более живо и остро подходят к различным моментам деятельности МНСО и проявляют больший, нежели сами члены МНСО, интерес к работе О-ва. Т. Евфанов (Ростов-на-Дону), Иванов В. Т. (Одесса), Дауман (Ленинград), Плоттель (Ростов-на-Дону) в ряде писем информировали МНСО по тем или иным вопросам, присыпали материалы, свои труды, что, кстати, сделано не всеми авторами, живущими и работающими в Москве.

Таким образом, МНСО играет роль консультанта для ряда провинциальных стенографов.

МНСО пережило эпоху оживленного строительства посистемного объединения. Эти формы работы сейчас являются неудовлетворительными, не могут исчерпывать всей работы МНСО, и нам надо уже поставить вопрос о секционной работе не в разрезе систем, а в разрезе тех или иных проблем, которые выдвигаются и могут быть выдвинуты перед русской стенографией в будущем.

Решающим моментом к изживанию прежней формы работы явилось создание комиссии при ГПФобре по выработке унитарной системы. Работа этой Комиссии показала, что нельзя в научной работе по стенографии замыкаться в узкие рамки той или иной системы, и если какая-то часть работы и ведется в пределах одной системы, то все же при этом надо учитывать и все достижения и движение вперед в других системах.

В настоящий момент перед нами стоят большие вопросы, может быть и созвучные работе Комиссии по выработке унитарной, но сосредоточение внимания О-ва на этих вопросах не является вполне целесообразным. Размеры журнальной заметки дают возможность только наметить некоторые вехи работы МНСО.

Если бегло перечислить эти задачи, то мы здесь увидим и вопрос об унитарной системе, охватывающей и принципы ее и методы выработки, вопросы истории стенографии, по которым в МНСО поступили

И МАШИНОПИСИ

работы некоторых членов МНСО, методика учебника, методика преподавания, широкие вопросы графики и т. д.

И здесь со всей категоричностью нужно ответить, что вся работа МНСО в целом и в разрешении отдельных задач может быть выполнена, при обязательном широком участии всех членов МНСО, при непосредственной самодеятельности их, при непре-

менном условии проявления ими инициативы.

МНСО должно, в конце-концов, явиться научно-общественной организацией, к которой должен тяготеть каждый стенограф, бережно относящийся к интересам стенографии и ставящий себе задачей широкое развитие стенографии в СССР.

Даниель-Бек.

О системе Репина

1. Письмо в редакцию

Тов. редактор, к Вам обращается группа слушательниц Высших госуд. курсов стенографии по системе Репина.

Вам, конечно, известно, что в начале 1926 г. на курсах была поставлена система т. Репина. Система эта не дала результатов, и в данный момент группа по [системе Репина] ликвидирована.

Слушателей интересует вопрос, можно ли считать нормальным положение, когда на ВГКС ставится система, которой еще нет и возможно не будет.

Слушателей так же интересует, какое существует вообще положение насчет постановки систем. Должен ли всякий стенограф, желающий поставить системе, представить реальные доказательства того, что система действительно у него имеется, что она состоятельна, что она даст результаты.

Имеет ли право стенограф и педагог окружать свои занятия тайной, не разрешать слушателям показывать своего письма, основываясь на том, что его системой могут воспользоваться другие стенографы-теоретики.

Имел ли право стенограф и педагог Репин, на протяжении почти 2 лет отказываться от выявления результатов своей

системы, основываясь на том, что учебная часть курсов не имеет права вмешиваться в его работу, и должен ли он в данный момент свои слова о том, что его система лучше из всех существующих и не дала результатов не по его вине, подкрепить действием, т. е. продемонстрировать успехи оставшихся у него 3 слушательниц.

Слушатели так же спрашивают, должен ли быть стенограф человеком всесторонне развитым, или он может договариваться до абсурдов, как это имело место на уроках т. Репина.

Обращаясь к вам, т. редактор, слушательницы Вас спрашивают, имел ли право т. Репин в течение 2 лет производить над нами опыты, взимая еще за это плату, отражающиеся ли по Вашему такому поведению т. Репина, как заведующего курсами, на репутации курсов, должен ли он понести ответственность за свои действия, как стенограф, педагог и заведующий, и должно ли общество стенографов реагировать должным образом на поведение своего коллеги.

Подпись:

Неласова, Е. Мазуровская, Масальская, Глик, Лифшиц, Малахова, Ануфриева и Понтеев.

2. Ответ учащимся

Путь для постановки новой системы на курсах, по мнению редколлегии, должен быть следующий: доклад о системе заслушивается в соответствующем компетентном органе и, если теоретический материал системы признается удовлетворительным, автору может быть дано разрешение на проверку этой системы на практике, путем преподавания на курсах, в опытной группе (к сожалению, другого пути для проверки

системы нет). Опытная группа должна вербоваться из желающих подвергнуться эксперименту, при чем, конечно, ни слушатели за обучение не платят, ни автор системы, делающий опыт, за преподавание оплаты не получает.

За занятиями в опытной группе должен быть установлен усиленный контроль Учебной части, и результаты обучения должны проверяться на общих со всеми системами

основаниях (т. е. путем диктовок, зачетов и т. п.).

Обращаясь к частному случаю, происшедшему с системой Репина на Высших государственных курсах стenографии, редколлегия констатирует, что здесь с самого начала и до конца обучения игнорировались общепринятые правила постановки системы.

1) Тов. Репин дважды докладывал в Моск. научно-стен. об-ве (МНСО) свой проект «корописи», заменяющей обычное письмо, в результате чего МНСО признало проект недоработанным и нуждающимся в колективной проработке. Тем не менее т. Репин нашел возможным добиваться в Главнауке и Главпрофобр разрешения на постановку своей системы, что и было ему разрешено без всякого согласования со специалистами-стенографами. См. протоколы МНСО от 7/IX и 2/X—25 г.

2) Получив разрешение ГПФобра на создание «опытной группы» (см. отношение ГПФ РСФСР от 17/IX—26 г. за № 128/240), т. Репин получил группу в **обычном порядке разверстки слушателей** по группам, при чем **слушатели не были им предупреждены** о том, что система ставится, в виде опыта, и группа не носила назначения «опытной».

3) Тов. Репин с самого начала, своею властью Заведующего курсов, **отстранил от наблюдения за системой и Учебную часть курсов и цикловую комиссию по стenографии**, ссылаясь на то, что он обязан отчитываться лишь перед ГПФ и Главнаукой. Своих слушателей т. Репин просил никому не показывать записей. В течение 2 лет т. Репин не производил никаких зачетов слушателям и даже не посыпал их на диктовки. Когда уже после заявления учащихся в Уч. часть о проверке их скорости, Цикловая комиссия по стenографии потребовала организации зачета, т. Репин на заседании согласился на это, но постановлению не подчинился. Вместо этого он объявил слушателям «бузотерами» и распустил группу, оставил лишь 3 слушателей, верных его «униграфии», которых он обещает довести до несуществующей в стenографии скорости — 180 слов (см. статью Репина в стenгазете курсов).

4) Несмотря на предписание ГПФ, чтобы группа существовала «на основах самоокупаемости», т. Репин находил для себя возможным получать за преподавание 42 руб. в месяц, хотя не мог не знать, что группа его, напр., за последние 6 месяцев уплатила всего 87 руб., т. е. в среднем 14 р. 50 к. в месяц,— следовательно не окупала даже расходов по помещению, освещению, штатам курсов и т. п. Таким образом, **на оплату опыта т. Репина тратились государственные средства, на которые содержатся ВГКС**.

Выражая свой протест против неэтичного поступка т. Репина, которому, как Заведующему курсов, надлежало с большей щепетильностью относиться к экспериментированию над учащимися на вверенных ему курсах,— редколлегия не может не отметить и следующих фактов:

Редколлегия.

Наши курсы

ЛЕНИНГРАД.

1927/28 уч. год ознаменовался в области машинописи открытием показательных курсов. Создал эти курсы Ленинградский облоддел союза СТС.

Главнаука и Главпрофобр, давая разрешение т. Репину на постановку его системы, не нашли нужным поконсультироваться с МНСО или б. Стенкомиссией при ЦК ССТС или просто со специалистами-стенографами.

3) Разрешая т. Репину организовать «опытную группу», Главпрофобр ставит в тоже время условием «самоокупаемость» группы и тем самым предопределяет взимание с учащихся денег за производство над ними опытов, что, по нашему мнению, является абсолютно неправильным.

4) Главпрофобр не возражает против окружения преподавания системы тайной (заявление члена коллегии ГПФ, т. Аникст, на заседании унитарной комиссии — протокол № 6/30 от 5/V—27 г.).

5) Несмотря на ряд устных заявлений со стороны представителя ЦК ССТС, т. Вексман, со стороны самих учащихся, приходивших год тому назад жаловаться в ГПФ,— последний не обследовал это дело.

Что касается роли нашего журнала, то еще осенью 1926 г. редактор журнала на заседании Совета ВГКС заявлял протест по поводу ненормальности постановки непроверенной системы на «общих основаниях». Весной 1927 г. редакция журнала запрашивала профком ВГКС об успехах по системе Репина, но получила в ответ уклончивый ответ профкома, нашедшей себе достойную отповедь в заметке «И на солнце есть пятна» («В. С.» № 33, стр. 30). Летом вопрос о системе Репина выдвигался редактором журнала и представителем ЦК ССТС, т. Вексман, перед членом коллегии ГПФ, т. Аникст, и соответствующая статья по поводу этой системы не была пущена только на том основании, что от т. Аникст было получено заверение, что вопрос этот будет в ближайшее время ликвидирован ГПФобром.

В настоящее время, когда сами учащиеся положили конец этой безобразной истории, мы требуем:

1) Предписания ГПФ Учебной части курсов детально ознакомиться с системой и результатами ее преподавания. В случае отрицательной оценки системы ГПФобр должен объявить **о запрещении ее к преподаванию**.

2) Возвращение слушателям группы Репина внесенных ими в течение 2 лет денег за обучение.

3) Разработки ГПФобром твердых правил постановки новых систем на курсах.

Что касается самого «изобретателя», мы надеемся, что соответствующие органы сделают нужные выводы,— общественное же мнение о его поступке отражено в «Правде» от 20/V в фельетоне М. Кольцова и в настоящем ответе.

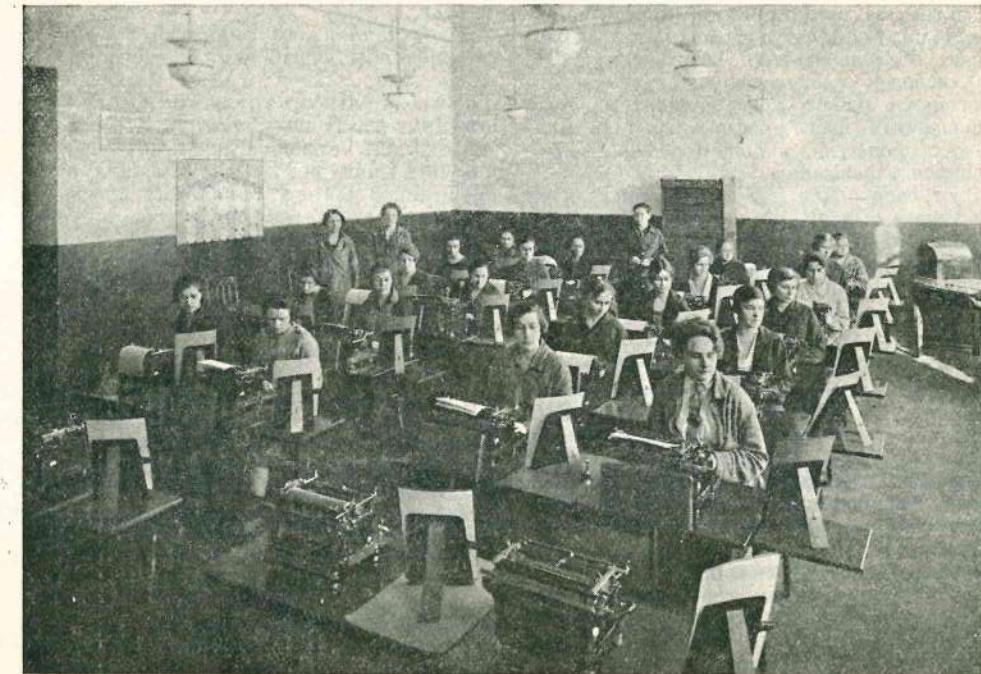
под его руководством), поставит учебную сторону дела на должную высоту.

Первый учебный год и/курсов характеризуется работой Курсового Совета, Предметной Комиссии по машинописи и проявлением самодеятельности учащихся.

Каждая группа имеет старостат из 3 человек. Старостат выделяет 2 представителей в Курсовой Совет, 2 — в Предметную Комиссию по машинописи. Старостат за месяц получил из Союза для безработных учащихся до 350 билетов в театр и кино, организовал 4 экскурсии на 70 человек (на выставку командных высот — 1 экс., на выставку по рационализации делопроизводства — 3 экс.). Выделенная из состава учащихся Редколлегия выпустила два номера стenгазеты «Голос Машинистки». Проведенная же при помощи старостата агитационная кампания за подписку на журнал «Вопросы Стенографии и Машинописи» дала 45 подписчиков.

Необходимо другим курсам на страницах журнала поделиться своими достижениями.

Т. С-ва.

Курсы машинописи и/союза в Ленинграде.

Н. ГУСЕВ

В торговых учреждениях Германии

(Из впечатлений кооперативной делегации Центросоюза по изучению торговой техники в Германии¹⁾)

Практика германских учреждений убеждает нас в том, что мы при сокращениях, удаляя преимущественно технический персонал, в частности машинисток и стенографисток (что обычно сопутствует у нас рационализации аппарата), не дооцениваем других, более существенных сторон этого вопроса. В Германии, наоборот, стремятся к относительному увеличению в аппаратах удельного веса чисто-технических категорий служащих, путем перекладывания с ответственного персонала, могущих быть безболезненно от него отнятых, функций на этих дешевые оплачиваемые работников.

Там мы имели возможность убедиться, что чем более правильно и рационально построено немецкое учреждение, тем больший % в нем принадлежит: стенотиписткам (стенографисткам-машинисткам), счетчикам и т. д. Возьмем хотя бы для примера Г. Е. Г.²⁾, там из 450 штатных единиц насчитывается: 94 стенотипистки, 8 ротаторщики, 144 единицы счетного аппарата и 84 единицы обслуживающего персонала, т. е. 330 человек исключительно технического персонала, работа коего состоит из ряда упрощенных, чисто трафаретных и механических процессов, в общем дешевые обходящихся учреждению.

Этот вопрос для нас важен, так как он разрешает задачу удешевления аппарата, упрощения и автоматизации его функций и делает в то же время работу аппарата доступной для широкого слоя трудящихся СССР.

Помещение и мебель.

Немецкие стенотипистские бюро размещены, как правило, обязательно с таким расчетом, чтобы шум от стука машин не проникал бы в смежные с бюро рабочие помещения это, во-первых, и, во-вторых, чтобы само бюро не было бы на отрыве от всего обслуживаемого им аппарата. Бюро занимают вполне просторные, чистенькие и светлые комнаты. Обходя их, невольно бросается в глаза правильная организация рабочих мест стенотиписток, стандарт и простота мебели. Нет нашей разношерстности и случайности подбора последней, а отсюда и все качества: нет скучности, тесноты, каждый из работающих имеет возможность

свободно вставать с места и передвигаться в самом помещении без лишних, не производительных движений. Мало того, в каждом бюро, помимо находящихся в действии рабочих мест, на случай поломок машинок имеются для срочной замены запасные свободные рабочие места с запасными машинками.

Поскольку тип мебели для машинописной работы имеет существенное значение — заботливость и в этой части в германских учреждениях дает себя почувствовать. Столы применяются, главным образом, шведско-американские на одной тумбе с 3 внутренними ящиками и двумя выдвигающимися досками слева и справа. Стулья винтовые с откидывающейся на пружине спинкой, обеспечивающие правильную посадку машинистки. Мебель к полу не привинчена, — нет надобности, ибо она никогда не перемещается с места на место и стоит весьма плотно.

Не остаются без внимания и вопросы освещения и вентиляции помещения, как вопросы в сильной степени влияющие на производительность труда. Насколько существенное внимание уделяется, в частности, вентиляции, можно судить из того, что по заявлению некоторых немецких ответственных работников (автору не представилось возможности этого видеть), в ряде крупных машинописных бюро имеют применение специальные приборы, увлажняющие воздух.

Для освещения бюро применяются преимущественно плафоны, как рассеивающие свет в стороны или вниз, так отражающие его с потолка. В некоторых бюро на столиках каждой из стенотиписток, помимо плафонов, укреплены настольные лампы со специальными абажурами, бросающими свет только на машинку и текст¹⁾. Кое-где приходилось встречать и самые простые способы подвещивания лампочек с помощью блочек с потолка с обычновенными тарелочными абажурами. В части бюро, где вообще отсутствует дневной свет (нет окон) мы имели возможность видеть применение искусственного дневного электрического света, ни в какой мере не отличающегося от естественного.

Размещены работники к дневному свету везде таким образом, что имеют его с левой стороны.

В части учреждений для удобства списывания и предотвращения ошибок употребляются специальные бумагодержатели,

¹⁾ Делегацией Ц-за была обследована часть торговых учреждений Германии, расположенных, главным образом, в Берлине и Гамбурге.

²⁾ Германское О-во оптовых закупок в Гамбурге.

1) См. «В. С. и М.» № 3.

И М А Ш И Н О П И С И

устанавливаемые позади машины и приводящиеся в действие посредством рычага, расположенного вблизи клавиатуры, между прочим своей конструкцией очень похожие на пюпитры последнего выпуска «Оргстроя». Благодаря этим пюпитрам устраиваются лишние движения головы, шеи, корпуса и пр., и, естественно, повышается производительность труда.

Но в ряде учреждений, как это ни странно, мы были свидетелями полного отсутствия механических пюпитров и наличия самых разнохарактерных, подчас весьма примитивных, деревянных подставок.

Заглушение шума бюро.

Шум в машинописном бюро обычно расывает внимание работающих, утомляет и снижает их работоспособность.

В связи с этим в некоторых учреждениях Германии шум глушится в первоисточнике, т. е. в машине же, при помощи войлокной прокладки, подкладываемой под машинку, или путем применения специальных бесшумных машинок.

Например, наше Торгпредство в Берлине почти целиком оборудовано бесшумными машинками системы «Адлер». В «Адлер» «Ремингтон» и др. бесшумных машинках удар и шум машины заглушаются посредством специальной конструкции буквенных рычагов, которые лишь прижимаются к валику, а не ударяются по нему с шумом, как это делается в обычных машинках.

Других способов заглушения шума мы не встречали, да это и понятно; капиталисту не приходится проявлять чрезмерную заботливость по охране труда служащих, — если это он и делает, то лишь в случаях крайней необходимости. Но из бесед с германскими рационализаторами, мы заключаем, что кое-где в учреждениях Германии применяются и др. виды заглушения шума, в виде обивки потолка, стен и пола войлоком, который покрывается на полу линолеумом, а на стенах и потолке для убранства и отражения света каким-либо белым материалом.

Построение работы.

Машинисток или стенографисток отдельно в Германии мы не встречали. Немецкие учреждения содержат у себя исключительно стенотиписток (машинисток-стенотиписток).

Стенопись в части учреждений д.е.н.т.а.ризована на частях, сконцентрирована по этажам (хотя это уже считается пережитком старого) в отдельные машинописные бюро и централизована в общих бюро.

Связь по доставке работ в бюро и обратно осуществляется или курьерами в незначительных учреждениях, или с помощью механической передачи (письматика, канатная и ленточная передача).

Прием работы для переписки и распределение ее в бюро производится специальным сотрудником — заведующим Бюро.

На нем лежит обязанность правильно и рационально распределять работы между стенотипистками, руководить ими и инструктировать их. Ему предоставлены права тре-

бовать неуклонного исполнения его указания и распоряжений и представлять работников к увольнению, и т. д., что в общем и целом создает строгую дисциплину в бюро. По заявлению руководителей учреждений на эти должности они обычно подбирают людей с твердым, независимым от подчиненных характером и хорошо знакомых с деятельностью всего аппарата.

Каких-то строго регламентированных на бумаге систем распределения и учета работ, а также писанных и узаконенных норм выработки в обследованных делегацией торговых учреждениях Германии мы не видели. Эту работу выполняет зав. бюро весьма упрощенным образом — на глаз, равномерно распределяя работу и непосредственно своим начальническим оком наблюдая за интенсивностью труда стенотиписток. По заявлению самих же зав. бюро никаких «молитвенников» им для этой цели не требуется: они хорошо изучили свой персонал, вышколили его, приучили к постоянству порядка, который там, между прочим, во всей деятельности учреждений проходит красной нитью, и рядом мероприятий добились от него максимальной производительности труда и т. д.

Режим дня, к тому же 8-часового, весьма строг: стенотипистка на работе не имеет права разговаривать с соседкой, отрываться по частным делам от работы, курить в служебном помещении, за рабочим местом заниматься косметикой и т. д. — для всего этого имеется в течение дня полу-часовой перерыв.

Для стенографических записей стенотипистки вызываются в аппарат. Вызов осуществляется с помощью специальной сигнализации: а) световой — путем переключения цветных электр. лампочек, находящихся в бюро, или б) механической — ответ. работник нажимает имеющуюся у него кнопку, связанную со спец. щитком, находящимся у зав. бюро, на щитке получается сигнал. Зав. бюро, зная так же, как и в первом случае, при переключении цветных лампочек, от кого исходит этот сигнал, сейчас же направляет стенотипистку, отдавая ей распоряжение (если большое бюро) через громкоговоритель, установленный в бюро.

Помимо указанных способов — вызовы осуществляются также по телефону (в сравнительно небольших учреждениях) или просто каждая стенотипистка знает свои часы прихода к определенному ответ. работнику для диктанта.

Для диктанта прибегают также к помощи диктофона и пр.

Учета расходуемого материала в бюро не производится. Материалы получаются вперед на несколько дней и содержатся в ящиках стола стенотипистки, при чем каждый вид материала содержитя в строго обусловленном для этого месте.

Функции стенотипистки и ее квалификация.

Германские стенотипистки печатают преимущественно 10-пальцевым слепым методом. Случай браковки материала редки,

так как квалификация работниц довольно высока. Небезынтересно тут же отметить, что в некоторых учреждениях Германии периодически устраиваются соревнования среди стенотиписток на скорость стенографирования, расшифровки и перепечатки, с раздачей премий. Это мероприятие проводится в интересах подтягивания к одному уровню квалификации всего стенотипистического бюро.

Некоторые стенотипистки являются в тоже время и корреспондентками.

Вопросу корреспондирования (составлению и исполнению) бумаг в Германии уделяется исключительное внимание, а отсюда естественно — стенографии, с одной стороны, и трафаретизации и стандартизации переписки, с другой стороны. Опыт максимальной трафаретизации и стандартизации переписки ряда обследованных делегаций уч-ний Германии убедил нас в том, что она не только ускоряет прохождение переписки через аппарат и упрощает всю работу учреждения вообще, но дает возможность отвечать на различные запросы и писать инициативные письма простым техническим работникам, в частности стенотиписткам-корреспонденткам или особым стенописи-корреспондентским частям (бюро), получающим в отношении той или другой бумаги или ряда бумаг от соответствующих руководителей лишь общие указания.

Мало того, подчас на стенотипистку-кор-

респондентку к тому же возлагается дополнительная, связанная с корреспондированием бумаг, работа по наведению предварительных справок по отвечающей бумаге, по подбору материала и т. д. и даже наблюдение за сроками получения ответа, для чего стенотипистки снабжены меминдексом (карточка с 3 отдельными по количеству дней в месяце).

Итак из указанного видно, что стенотипистка в некоторых учреждениях Германии является не только переписчицей на машинке, но и лицом, которое самостоятельно выполняет переписку, разгружая тем самым оперативников от ряда технических работ, а сами стенотипистские бюро по характеру работы — являются органами, существующими не раздельно от оперативных частей, а подсобными им, органически и непосредственно с ними связанными.

Учитывая этот весьма ценный опыт Германии, мы должны немедленно поставить в порядок дня вопрос о переквалификации наших машинисток и стенографисток и о перераспределении работ внутри аппаратов. Этим мы сделаем большое и полезное дело, так как поможем разрешению одной из наших основных очередных задач — удешевлению аппарата.

Центросоюзом в этом направлении уже взята установка на переквалификацию части машинисток в стенотиписток и части в машинисток-корреспонденток.

Зарубежные новости

ПРЯМОЙ И КОСОЙ НАКЛОН

В Германии введенный в школах прямой наклон обычного письма (по его изобретению именуемый Зюттерлинским — Sütterlin-schrift) находится в решительном конфликте с унитарным стенографическим письмом, имеющим косой наклон. Среди многих заявлений по этому поводу со стороны представителей немецкой школы интересно отметить, например, такой отзыв директора торговой школы в Ганновере А. Раковой: «Новое письмо (по Зюттерлину) и новая стенография — непримиримые враги. В ближайшем будущем одно из них должно будет уступить место другому...» Это понятно, так как прямое и наклонное письмо требует упражнений, развивающих противоположные навыки (*Der Deutsche Stenograph*, 1928, № 1).

ЗА И ПРОТИВ УНИТАРНОЙ

Berliner Tageblatt от 3 февраля 1928 г. сообщает о случае отсрочки судебного разбирательства в суде по трудовым делам (Arbeitsgericht), вследствие того, что застенографированный протокол не мог быть расшифрован лицом его написавшим. *Der Deutsche Stenograph* (враг унитарной) многоизначительно замечает, что в канцеляриях

судебных учреждений практикуется унитарная система.

Но у нас имеются и другие данные о германской унитарной. В обзоре итогов о произведенных испытаниях в немецких торговых школах за 1927 г. журнал «Дейче Стенографенцентунг», издаваемый немецким союзом стенографов, сообщает о блестящих результатах стенографов, которые пишут по немецкой унитарной системе. В то время как в 1926 г. испытание выдержали 281 стенограф-унитарников, в 1927 г. испытание выдержали 519 стенографов-унитарников, которые таким образом пре-вишли все остальные системы. Кроме того, нужно отметить то обстоятельство, что еще юная унитарная скоропись достигла уже при испытаниях в торговых школах быстроты в 340 словах в минуту.

В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ МИРЕ

В Венгрии установлено правительством особое испытание для получения права придавать стенографию. Испытание заключается в списывании с обыкновенного письма на унитарное текста в 500 словах и в устном ответе по теории системы. Лица, состоявшие преподавателями до издания этого декрета, от испытания освобождаются.

В Софии (Болгария) 15—18 января с. г. состоялся конгресс преподавателей стенографии. Был проработан целый ряд интересных докладов, представленных лучшими болгарскими стенографами (*La Lettura Stenografica* 1928 г., № 3).

СТЕНОГРАФИЯ И МАШИНОПИСЬ — ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ПРЕДМЕТЫ.

С нынешнего года в коммерческих школах Венгрии преподавание стенографии введено в качестве обязательного предмета. На первом году обучения стенография преподается два часа в неделю и в последующих три года по одному часу. По окончании курса учащиеся должны писать со скоростью 130—140 слов в минуту (*La Vérité Sténographique* 21/II 1928 г.).

В Берлине образовался союз лиц, требующих обучения в школе машинописи в качестве обязательного предмета (там же).

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ЗА СТЕНОГРАФИЮ.

В статье, посвященной воспоминаниям о деятелях системы Duployer (*La Vérité Sténographique* 21/III—28), Л. Можон упоминает, что на всемирных выставках в Париже 1878 г. и 1889 г. изобретение Дюплюара было награждено золотой медалью.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ И СОВЕТСКИЕ СТЕНОГРАФЫ.

В заседании Интернационального Комитета, состоявшемся в Париже 18 февраля 1928 г., по предложению председателя Жоржа Бьюссона, избрано два новых вице-председателя: Грэгг (Нью-Йорк) и Роней (Будапешт, Венгрия). Число вице-председателей в настоящее время достигает 11. На запрос т. Юрковского о предоставлении вице-президенту представителю советских стенографов Жорж Бьюссон намерен ответить особым письмом (*Revue Sténographique Belge* 15/III—28 г.).

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ.

Альбер Наварр (Франция), автор труда по всеобщей истории стенографии, выпустил стенографический альманах на 1928 г.

Феликс Куновский издал брошюру, оглавленную: «Основы науки о стенографии» (*Grundzüge der Kurzschriftwissenschaft*), представляющую краткое изложение содержания его большого труда: *Die Kurzschrift als Wissenschaft und Kunst* («Стенография как наука и искусство»). В заключительных строках автор указывает на необходимость научного изучения стенографии в технических и высших учебных заведениях, а также учреждения ординарной стенографической кафедры при университете.

Стенографическая академия в Барселоне (Испания) издала отчет о первом испано-американо-филиппинском стенографическом конгрессе, состоявшемся в Барселоне в 1922 году. Прекрасно изданная книга (320 страниц) содержит не только сведения о положении стенографии в странах, где говорят на испанском языке, но также много заметок и статей общего характера, относящихся к стенографической практике и педагогике.

НОРМАЛИЗАЦИЯ МАШИННЫХ ЛЕНТ В ГЕРМАНИИ.

Немецкая комиссия по нормализации остановилась на стандартной ширине ленты пишущей машины от 13—16 миллиметров.

ГРАНДИОЗНЫЙ ТИРАЖ.

Ежемесячный тираж стенографического журнала *The Gregg Writer* в Нью-Йорке достигал в 1927 г. 79.000 экземпляров.

ЛУЧШИЙ ЦВЕТ БУМАГИ.

В *Les Etudes Sténographiques Françaises* (№ 10—11 1927 г.) Рене Авett (Havette) обсуждал вопрос о наименее вредном или утомительном для зрения стенографа цвете писчей бумаги. Белый цвет утомляет своим блеском; зеленый цвет для зрения сам по себе хорош, но письмо на зеленой бумаге принимает красноватый оттенок и представляется недостаточно четким. Опыты с синим, красным, лиловым цветом не дают хороших результатов. На бумаге желтого цвета всякое письмо выделяется явственно и сама бумага дает приятный отблеск. Поэтому лучше всего пользоваться в стенографии бумагой с желтоватым оттенком.

НЕРАЗУМНАЯ ЭКОНОМИЯ.

В Брауншвейге (Германия) государственной канцелярией (Staatsministerium) представлен в ландтаг проект упрощения государственного аппарата, в котором, наряду с другими учреждениями, предлагается упразднить брауншвейгский стенографический институт (один из трех стенографических институтов, существующих в Германии; другой находится в Дрездене, третий в Мюнхене). *Der Deutsche Stenograph* справедливо замечает, что было бы рациональнее, даже с хозяйственной точки зрения, не ликвидировать такой научно-административный орган, а возложить на него дополнительную обязанность обучить стенографии всех государственных чиновников, от которых требуется знание унитарной системы, т. к. это дело (изучение чиновниками стенографии) до сих пор ни на иту не подвигнулось вперед. Это было бы действительно улучшением и упрощением государственного аппарата, между тем как упразднение стенографического института даст совершенно ничтожную экономию.

